

Владимир Каржавин

**БОЛЬШЕ ВСЕГО
РИСКУЕТ ТОТ,
КТО НЕ РИСКУЕТ**

Несколько случаев из жизни
офицера разведки

Роман

Владимир Каржавин

**Больше всего рискует тот, кто
не рискует. Несколько случаев
из жизни офицера разведки**

«ИП Симакова»

2017

УДК 821.161.1 (470.5)
ББК 84(2=411.2)6-4

Каржавин В. В.

Больше всего рискует тот, кто не рискует. Несколько случаев из жизни офицера разведки / В. В. Каржавин — «ИП Симакова», 2017

ISBN 978-5-91356-349-1

Роман охватывает период нашей истории с 1919 по 1945 год. Главный герой, офицер контрразведки Генерального штаба русской армии, становится офицером советской разведки. Иран (Персия), Швеция, снова Иран, Германия – такова география его зарубежной деятельности, которая тесно переплетается с событиями внутри страны: поимкой короля бандитов Москвы Кошелькова, службой в охране первых лиц государства, участием в ликвидации банды украинских националистов. Трагические события советской истории не могли не коснуться героя: это и недоверие к нему как к «бывшему», и арест во время сталинских репрессий. Конечно же, в романе есть место любовным и семейным отношениям. Автор сделал попытку создать образ не какого-то супермена, а рядового офицера разведки, который честно служил и дореволюционной России, и России Советской. А ещё в романе показано, как случай может помочь человеку такой опасной профессии – разведчику.

УДК 821.161.1 (470.5)
ББК 84(2=411.2)6-4

ISBN 978-5-91356-349-1

© Каржавин В. В., 2017
© ИП Симакова, 2017

Содержание

Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Владимир Каржавин

Больше всего рискует тот, кто не рискует. Несколько случаев из жизни офицера разведки

Голос был загадочным и мягким:

– Здравствуй...

– Кто ты?

– Меня ты должен знать.

– Но среди тех, кого я знаю, тебя нет.

– Ты имеешь в виду людей?

– А кого же ещё? Она лукаво улыбнулась:

– Посмотри на меня внимательно: на голове моей корона, украшенная листьями оливы, а в руке рог изобилия. Разве люди так выглядят?

– Так ты богиня!

– Ты угадал. Я, как все боги, живу на высокой горе Олимп, там, где правит всемогущий Зевс. Я не так красива, как Афродита, не так мудра, как Афина, не так стройна, как Артемида, но людям требуется моё покровительство.

– И мне тоже?

– И тебе.

Она была где-то совсем близко, её было хорошо видно и слышно, но прикоснуться к ней было невозможно, ибо она сразу отдалялась.

– Так кто же ты?

– Я Тихе, богиня случая. Я сопровождаю человека от рождения до смерти. По моей воле в жизни каждого из вас могут возникнуть случаи, которые изменят судьбу.

– И мою тоже?

– И твою.

– Но случай может привести и к хорошему, и к плохому.

– А это уже тебе решать...

Часть первая

Рождественский подарок

* * *

Зима 1919 года была в Москве морозной и снежной. Сугробы на улицах не убирались, чистили лишь трамвайные пути, по которым, кроме трамваев, ходили редкие машины. Шестого января ближе к ночи, когда в холодном московском небе зажглись звёзды, по трамвайному пути двигался легковой автомобиль. В машине было четверо: трое мужчин и женщина. Если бы это происходило в летний день, за автомобилем наверняка бежали бы местные мальчишки, а прохожие бы останавливались, завистливо и удивлённо поглядывая вслед – увидеть в 1919 году в Москве шикарный роллс-ройс было большой редкостью. Но в этот зимний вечер ни прохожих, ни мальчишек видно не было, потому что ночью ходить по Белокаменной было очень и очень небезопасно.

Недалеко от Сокольнического райсовета наперерез машине неожиданно вышла группа вооружённых людей и потребовала остановиться. Пассажиры роллс-ройса решили, что это красноармейский патруль, и требованию подчинились.

Это был действительно патруль, но патруль особый – бандитский, с наганами, но без винтовок. Налётчики живо окружили машину. В эту ночь объектом их налёта планировался Лубянский пассаж, и машина им была нужна позарез.

Пассажиры роллс-ройса быстро поняли, кто их остановил. Один из мужчин достал пистолет, но другой, сидящий рядом – он был за главного, – опустил его руку. Сопротивляться шестерым хорошо вооружённым бандитам было бесполезно. А тот, что был за главного у бандитов, открыл переднюю дверцу машины и с театральной любезностью издевательски изрёк:

– Господа, мне очень жаль, но вам придётся прогуляться. Надеюсь, вы не против? Сейчас революция, всё общее... Мы только немного покатаемся и вернём вам вашу шикарную карету.

Обычно он без разговоров стрелял. Но в этот вечер он был в хорошем, можно сказать поэтическом, настроении и не мог отказать себе в желании покуражиться над незадачливыми, как он считал, буржуями.

Первой пришла в себя женщина: – Как вы смее! Что вы себе позволяете!

Но главный из бандитов только шире распахнул обе дверцы:

– Не задерживайте нас... прошу...

Он мог бы сказать и по-французски, и по-немецки, но ограничился родным языком.

Их вывели из машины, забрали документы и оружие. В какой-то момент тот, кто был за главного в машине, и главарь бандитов пристально смотрели друг на друга. У бандита в руке был маузер, указательный палец обнимал спусковой крючок. Его дружки тоже держали оружие наготове. Но выстрела не последовало, пассажиров отпустили.

– Янь, а Янь, – один из бандитов по прозвищу Стёпка-Малыш повернулся к главарю. – Чё фраеров не порешил?

Тот, которого звали Янем, задумчиво смотрел в звёздное ночное небо. Потом перевёл взгляд на холодное дуло маузера. Вдохнул:

– Сам не знаю. Этот, ну, что с бородкой, как-то необычно на меня смотрел, изучал, что ли... И страха в его глазах я не увидел. Завопи он о пощаде, точно б пристрелил. А так... уважаю смелых. Пусть это будет ему и остальным рождественским подарком.

Настало время представить действующих лиц. Тот, кто «дарил подарок», был известный в Москве и её окрестностях король налётчиков Яков Кошельков (Янька Кошелёк). С ним были его ближайшие дружки Василий Зайцев (Заяц), Фёдор Алексеев (Лягушка), Алексей Кириллов (Сапожник), Иван Волков (Конёк) и Степан Боженко (Малыш). А тот, кому предназначался «подарок», был вождь мирового пролетариата и председатель Совета народных комиссаров Владимир Ильич Ульянов-Ленин. Уже потом, в машине, интересуясь личностями ограбленных, Кошельков в темноте с трудом прочитал фамилию на удостоверении. «Какой-то Лепин», – буркнул он своим подельникам.

Немного отъехав от места ограбления, бандиты притормозили. Конёк и Малыш стали рассматривать трофеи.

– В бумажнике одна мелочь, – зло пробурчал Конёк. – А вот и документы. Посмотрим-ка ещё раз... Так, говоришь, Лепин?

Отборная ругань потрясла пустынную улицу.

– Янь, да это никакой не Лепин. Это Ленин!

– Как так Ленин? – встrepенулсЯ Кошельков. – Однофамилец, что ли?

– Нет, не однофамилец. Написано же: председатель Совета народных комиссаров.

Теперь уже трёхэтажный мат вырвался из уст Кошелькова.

– Ну Кошелёк, ну дешёвка... – причитал он, сжав кулаки. – Если бы мы этого Ленина взяли, нам бы за него огромный выкуп отвалили. Да ещё всю Бутырку на волю!.. Заяц, поворачивай! – крикнул он сидевшему за рулём Василию Зайцеву. – Мы их догоним! Такой фарт упускать нельзя. Гони к Совету, они там!

– Но в Совете охрана.

– Два-три человека, не больше. Перебьём!

Кое-как развернувшись среди сугробов, роллс-ройс рванул по трамвайным путям в обратном направлении. Но, увидев издали в свете фар, что у здания Сокольнического райсо-

вета стоят три грузовика, из которых выпрыгивают чекисты и красноармейцы, бандиты поняли, что опоздали. Пришлось разворачиваться ещё раз. Выкуп сгорел.

В тот день Владимир Ильич вместе с сестрой Марией Ильиничной в сопровождении шофёра Степана Гиля и сотрудника личной охраны комиссара ВЧК Ивана Чабанова выехал в лесную школу на детский праздник. По дороге решили также проведать лечившуюся в Сокольниках Надежду Крупскую. Строго говоря, место Ленина в целях безопасности было на заднем сиденье за перегородкой. Но Владимир Ильич, любитель поговорить, всегда садился на переднее, рядом с Гилем. А на заднем располагались Мария Ильинична и Чабанов. Детям на праздник везли подарки: ёлочные игрушки, гирлянды, хлопушки и особый подарок – бидон ценнейшего по тем временам молока.

Подарки не состоялись. Зато революция, мировой пролетариат обрели свой рождественский подарок – жизнь вождя. А ведь нажми Кошелев на спусковой крючок, ход мировой истории бы изменился.

* * *

Английский шпион и дипломат Локкорт так вспоминал об этом человеке: «... его глаза горели холодным огнём фанатизма. Он никогда не моргал. Его веки казались парализованными...»

– Как? Как могло такое случиться? – Держинский жёстко смотрел на стоящих перед ним Чабанова и Гиля. – Уму непостижимо! В Москве в столице ограблен первый человек государства.

В эту минуту в своём кабинете главный чекист Советской республики походил не сколько на человека, сколько на какого-то мифического бога, способного своим взглядом испепелять людей. Ещё в кабинете были его заместитель Петерс и нарком внутренних дел Петровский. Юридически нарком внутренних дел представлял самостоятельный орган (он и образован был раньше: восьмого ноября тысяча девятьсот семнадцатого года, в то время как ВЧК – двадцатого декабря того же года). Но де-факто всеми подобными случившемуся инцидентами занималась «чрезвычайка». «Контрой» она могла объявить любого. Ну а дальше? А дальше – патронов на всех хватало.

Чабанов сделал робкую попытку оправдаться, говоря, что он и Гиль достали было пистолеты, но Владимир Ильич не разрешил ими воспользоваться.

Держинский подошёл к Чабанову совсем близко. Глядел в упор.

– Вы телохранитель или кто? Вы что, не знаете, что телохранитель не подчиняется тому, кого охраняет? Почему поехали ночью, а не днём? Кто разрешил вам останавливаться? Почему вы сидели не рядом с Владимиром Ильичом?

Разнос был, как говорится, по высшему разряду. На Чабанова и Гиля жалко было смотреть. Петровский и Петерс молчали. При этом Петерс мрачно наблюдал за Гилем. Для него, в прошлом латышского батрака, а ныне ярого большевика и чекиста номер два, вопрос был в одном: какого происхождения подозреваемый. А так как Гиль к пролетариям отношения не имел и в своё время возил не кого-нибудь, а Николая Второго, Петерс мысленно уже вынес Степану Гилю смертный приговор. В отличие от комиссара Чабанова – тот происходил из рабочих и, следовательно, имел право на жизнь и на ошибку.

– Если ещё раз случится подобное, пойдёте под трибунал, – заключил председатель ВЧК. – А сейчас свободны.

Когда Гиль и Чабанов вышли, Держинский наконец сел за стол. На пару минут задумался. Не усидел, поднялся, прошёлся по кабинету. Остановился напротив Петровского:

– Григорий Иванович, я приказать вам не могу, но я прошу вас как члена партии: поймите этого... как его?..

– ... Кошелькова.

– Да-да, Кошелькова. В вашем ведомстве ещё остались старые кадры, которые помнят этого бандюгу. Привлекайте кого угодно, но Кошелькова возьмите живым или мёртвым.

После этого Дзержинский обратился к Петерсу:

– А вам, Яков Христофорович, надлежит кардинальным образом пересмотреть систему охраны высших лиц государства. Она у нас ни к чёрту не годная. Мало нам Фанни Каплан, так ещё этот Кошельков свалился на нашу голову.

При упоминании о Фанни Каплан Петерс настороженно посмотрел на Дзержинского. Оба прекрасно знали тёмную историю о покушении на Ленина полуслепой Каплан. Знали то, что обычные граждане узнают спустя десятилетия. Но ворошить прошлое, пусть недалёкое, никому не хотелось. Надо было спасать честь главного руководителя молодой Советской республики.

Уже в дверях, прощаясь с Петровским, глава ВЧК добавил: – И ещё, Григорий Иванович, как можно скорее найдите роллс-ройс. Всё-таки дорогушая машина.

* * *

Роллс-ройс... В начале XX века англичане считали, что ездить на нём могут только миллионеры и покойники. Автомобиль стоил порядка трёх тысяч фунтов – огромные по тем временам деньги. В 1918 году нарком внешней торговли Красин по поручению Ленина закупил в Лондоне четыре роллс-ройса для высшего руководства революционной России. Но и в дореволюционной России существовали роллс-ройсы. Первым на него сел император Николай, вторым – миллионер промышленник Рябушинский; так что возжъ мирового пролетариата оказался только третьим. Но машина понравилась. К концу жизни у Ленина роллс-ройсов было уже два! Второй был особый, с лыжами вместо передних колёс и с гусеницами вместо задних. Переделанный на Путиловском заводе, он служил для прогулок в Горках и как средство передвижения оттуда в Москву и обратно по заснеженным дорогам, которые тогда не чистили.

Для истинной роскоши Владимир Ульянов, даже став возжём, созрел не сразу. Первым его служебным автомобилем стала французская, весьма недешёвая «Тюрка-Мери» из гаража Николая Второго; вторым был «Делоне-Бельвиль», тоже из гаража царя. И только третьим автомобилем стал лучший и самый дорогой автомобиль мира «Роллс-Ройс», экспроприированный у Рябушинского. Кстати, примерно на таком же автомобиле буржуй и «кровопийца» Рябушинский выехал в 1916 году на фронт служить. Автомобиль он, естественно, оставил в распоряжении командования.

Ездил Ленин на своих машинах много. А вот в происшествия попал редко. Исключением явился случай в 1918 году в Петрограде. Там его «Тюрка-Мери» была обстреляна неизвестными так, что пришла в негодность. Но никто не пострадал.

Не были частыми и угоны машины – только два раза. Первый раз царский «Делоне-Бельвиль» контрабандисты угнали у возжя прямо от подъезда Смольного – машину нашли на границе с Финляндией. Второй раз её угнал Кошельков со своими подельниками.

После рождественского инцидента роллс-ройсы Ленина, как и выезды возжя на нём, тщательно охранялись. А угнанная бандитами машина была обнаружена на следующий день.

* * *

Сергей Генрихович Отман переживал глубокую личную драму. Все последние дни он проводил в своём небольшом кабинете, устроившись в кресле-качалке, глядя на неяркий свет настольной лампы. Сидел до поздней ночи, отрешённо. Иногда его одиночество нарушала дочь

Ольга, пытаясь хоть как-то отвлечь отца, или горничная Алевтина, которая приносила ему на подносе стакан чаю; чай он очень любил.

Но почему, почему творится такое? Неужели Россия это заслужила? Разруха, голод, тиф, кругом бандитизм. ЧК хватает кого хочет... Осенью он похоронил жену Марию Андреевну – свою любимую Машу, с которой много лет прожили душа в душу. А неделю назад ЧК арестовала его брата Юрия.

Уже полгода, как он, Отман Сергей Генрихович, один из лучших работников российского уголовного сыска, ученик самого Аркадия Кошко, остался не у дел. Нет, его не увольняли, не указывали на дверь. Но когда новый начальник их отдела, из рабочих, назвал его классово чуждым элементом, Сергей Генрихович не без издёвки спросил, знает ли тот, что такое «ботать по фене» или «брать на гоп-стоп». В ответ новоявленный начальник заявил, что для работника

угрозыска главное – пролетарское происхождение. Сергей Генрихович повернулся и ушёл. На новую власть он работать отказался, хотя некоторые из его сослуживцев согласились.

Чем они жили эти полгода? Ольга устроилась секретарём-машинисткой в одну из контор. Он как глава семьи, знавший немецкий и немного французский, подрабатывал репетиторством и переводами. Что-то из вещей пришлось продать, но на то, чтобы не жить впроголодь, хватало. Пока хватало. Но это всё личное, это можно хоть с трудом, но пережить. А вот куда катится Россия...

Он происходил из прибалтийских немцев и по матери, и по отцу. Отец Генрих Отман был прекрасным инженером-путейцем, много строил, в том числе Транссиб. В семье их было трое: старший Франц, младший Юрий и средний он, Сергей. Все трое родились в России и считали себя русскими. Но потом пути братьев разошлись. Франц закончил Берлинский университет, работал во многих известных фирмах, а перед самой войной, женившись на богатой шведке, уехал к ней в Стокгольм. Там открыл своё дело. Они с младшим Юрием тоже закончили университет, только Московский. Юрий стал врачом, имел собственную практику, а он, получив диплом юриста, пошёл бандитов ловить. А всё случай: одного из ближайших его друзей убили, когда тот поздно ночью возвращался домой. И он, Сергей Отман, отказавшись от места в коллегии адвокатов, стал работником уголовного сыска.

Думы... воспоминания... поздний час, а спать не хочется. Ладно что ещё свет не отключают – что бы он делал без настольной лампы... Два дня назад через одного немца, работающего в торговом представительстве в Москве, Сергей Генрихович получил весточку от Франца. Во время войны они не общались, а сейчас, зная, что творится в России, старший брат звал к себе в Стокгольм, где тихо, спокойно и где у него теперь уже своя солидная фирма. Естественно, Франц звал их обоих с Юрием, но Юрию передать весточку от брата Сергей Генрихович не успел – Юрия арестовали.

Конечно, для проживания Швеция несравненно лучше. Но как, как он оставит Россию?! В московской земле покоятся отец, мать и его любимая Маша. Брат Юрий арестован, обвинён в контрреволюционной деятельности; а может, его уже нет в живых... Вчера он спросил Ольгу, согласна ли она оставить Россию. «Папа, я – как ты», – услышал он в ответ. Но Юрий, Юрочка... Как же так... Надо что-то делать... Впрочем, не сегодня завтра могут прийти и за ним.

В это время в прихожей раздался звонок. Половина одиннадцатого ночи... Так и есть, это за ним. Брат контрреволюционера, классово чуждый элемент, отказавшийся работать на новую власть... Да, это – непременно за ним.

Горничная Алевтина уже спала. В кабинет заглянула Ольга. Взгляд испуганный и вопрошающий. – Оленька, не надо, я сам.

Сергей Генрихович поднялся с кресла, вышел в прихожую и, не снимая цепочки с двери, осторожно её приоткрыл. На лестничной площадке стояли двое: один высокий в шинели и армейской фуражке с красной звездой; другой среднего роста в кожаной куртке и кожаной фуражке, подпоясанный ремнём с кобурой.

– Отман Сергей Генрихович? – подал голос высокий и предъявил удостоверение сотрудника ВЧК. «Ершов Фёдор Фёдорович», – прочитал хозяин квартиры сквозь дверную щель. Пришлось открыть и впустить ночных посетителей.

Они стояли в прихожей и несколько секунд изучали друг друга. Высокого – Ершова – Сергей Генрихович раньше не встречал. А вот в человеке в кожаной куртке он сразу узнал Петра Курбатова, того самого рабочего, возглавившего их отдел в Московском уголовном сыске (теперь уже в Московском уголовном розыске) и назвавшего его, Отмана, классово чуждым элементом.

– Мне собираться? – Сергей Генрихович первым нарушил молчание.

Ершов слегка улыбнулся:

– Ну что вы... Мы пришли не за вами, а к вам.

– Тогда чем обязан столь позднему визиту?

Ершов снял фуражку, при этом тряхнув копной чёрных, как воронье крыло, волос; его примеру последовал Курбатов, обнажив лысеющую голову. Обоим на вид было лет по тридцать.

– Вы позволите пройти?

Сергей Генрихович указал рукой в сторону кухни. Раздеться гостям он не предложил – в квартире было холодно.

Ершов быстро изложил суть дела: совершенно дерзкое ограбление товарища Ленина. Это дело рук банды Кошелькова, её нужно ликвидировать как можно скорее. Для этого создана особая ударная группа из сотрудников ВЧК и МУРа. Он, Ершов, возглавляет эту группу, а Курбатов его заместитель. Дело на контроле у Дзержинского.

При упоминании о Дзержинском Сергей Генрихович внутренне напрягся, но, не подав виду, спросил:

– И что же вы от меня хотите?

– Чтобы вы вернулись на работу. Вы были одним из лучших криминалистов в уголовном сыске в царское время и, что крайне важно, не раз брали Кошелькова, знаете его связи.

В ответ Отман не без доли сарказма заметил:

– Но я ведь, по определению некоторых, – он бросил взгляд на Курбатова, – классово чуждый элемент.

До этого молчавший Курбатов подал голос:

– А вы обидчивый...

– Да нет, уважаемый, я не обидчивый. Вот только мне совершенно непонятно, как я могу работать под руководством сотрудника ЧК, когда мой брат арестован этой самой ЧК?

Ершов насторожился:

– За что арестован?

Сергей Генрихович встал со стула и, глядя сверху вниз на сидящего чекиста, чётко изрёк:

– Нет уж, позвольте, это я вас должен спросить, за что. Мой Юра... Юрий Генрихович известный в Москве врач, никогда не занимался политикой.

Ершов, как мог, попытался смягчить разговор, говоря, что любая революция – это жестокая игра, в которой, к сожалению, есть и напрасные жертвы, что в Москве орудуют десятки банд, почти каждый день грабят, убивают и что угрозыску нужны профессионалы. Но один из лучших специалистов российского уголовного сыска Сергей Генрихович Отман вернуться на работу отказался.

В дверях, прощаясь, Ершов протянул Отману записку:

– Вот мой рабочий адрес и телефон. Надеюсь на ваше благоразумие. Отман молчал.

... Примерно через час в кабинете Дзержинского зазвонил телефон. Ершов докладывал о результатах ночного посещения квартиры Отмана.

– За что арестован брат? – спросил Дзержинский.

– Мы напали на след полковника Березина, личного посланника Колчака. Он направлялся в Москву к кому-то на связь. В перестрелке был ранен, но успел добраться до квартиры своего племянника. Живущий в этом же доме Юрий Отман пытался оказать ему помощь. При аресте, а потом и на допросе заявил, что это его врачебный долг.

– Что с Березиным?

– Успел застрелиться.

На несколько секунд председатель ВЧК задумался. Потом чётко, но не в форме приказа произнёс в трубку:

– В отношении Отмана-врача поступайте, как считаете нужным. Только ловите, ловите поскорей этого бандюгу Кошелькова!

* * *

– Отман Юрий Генрихович, вы свободны, – следователь Фельдман протянул ему небольшую бумажку. – Вот ваш пропуск.

Стоявший в углу кабинета высокий черноволосый человек в шинели наблюдал за происходящим.

– Я... я действительно свободен? – переспросил Юрий Генрихович. Следователю пришлось ещё раз повторить сказанное минуту назад.

– Но я бы посоветовал вам остаться до утра, – вдруг заговорил тот, который был в шинели. – Сейчас второй час ночи, идти небезопасно.

Что-что, а оставаться до утра в камере, битком набитой людьми, у Юрия Генриховича не было ни малейшего желания.

– Нет уж, покорнейше благодарю...

– И всё-таки советую подумать.

– Нет-нет, я живу недалеко.

Он сказал неправду. Он жил совсем в другом конце Москвы, а вот до дома, где жил его брат Сергей, ходьбы было всего несколько минут.

Выйдя за ворота тюрьмы, Юрий Генрихович почувствовал небывалое облегчение. Много ли надо человеку? Оказывается, совсем немного, и в первую очередь свободу! Глубоко вдыхая морозный воздух, он быстрыми шагами направился к дому брата. Он издали увидел знакомый пятиэтажный дом с оригинально выполненным фасадом. Но так как сугробы на улицах не убрали, решил сократить путь и пройти через узкий проход, отделявший дом брата от расположенного по соседству здания.

– Куда спешим, барин? – два силуэта неожиданно выросли впереди него. Один был выше среднего роста, представительный, одетый в зимнее пальто и папаху. Другой наоборот – маленький и худощавый, бараний тулуп на нём буквально висел.

Юрий Генрихович инстинктивно оглянулся – так делает в данной ситуации любой человек, ища путь к спасению. Но сзади в проходе стоял третий. У каждого в руке был пистолет.

– У тебя, барин, шикарная шуба, – заговорил представительный. – Слушай, сейчас революция, всё стало общим. Дай-ка нам её поносить. И шапку тоже. Поносим и вернём. Ты ж не против?

Перепуганный насмерть Юрий Генрихович пришёл в себя и засуетился:

– Берите, берите... всё берите... шубу, шапку – всё отдам... только не убивайте...

Представительный с презрением смотрел на него. Потом скомандовал тому, что стоял за спиной Юрия Генриховича:

– Конёк, забирай трофеи.

И, не выпуская маузера из правой руки, левой подтолкнул вперёд маленького:

– А ты, Малыш, проверь у него бумажник и ксиву.

Пошарив по карманам Отмана-младшего, Стёпка-Малыш достал бумажник и документы с визитной карточкой. Посветил фонариком.

– Тьфу ты! – ругнулся он. – Одна мелочь. А ещё барин. Хотя посмотрим, что ты за барин... Некто Отман Юрий Генрихович – врач, частная практика...

При упоминании фамилии представительный, тот, что был за главного, встрепенулся:

– Это какой Отман? Уж не брат ли?..

– Да-да, Сергей мой брат, я иду к нему.

– Ночью?

Отман-младший попытался было объяснить, что он несколько дней провёл в тюрьме, что его только что освободили, а до дома далеко. Но на Кошелькова это не произвело ни малейшего впечатления. Он буквально замер, услышав ненавистную ему фамилию.

А Юрий Генрихович, тяжело дыша, смотрел на грабителей. Если бы он, солгав, сказал, что у него нет брата, а он идёт по ночной Москве только потому, что его срочно вызвали к больному, может быть, и остался жив. Но врать он был не приучен, да и в данной ситуации трудно было выбрать правильное решение.

Кошельков же соображал: а что если сейчас среди ночи наведаться к Отману? Под дулом маузера младший брат приведёт к старшему. Ох, рассчитались бы за всё! Ворваться ночью в чужую квартиру для него было плёвое дело. Но нет, не получится: сегодня у него ещё запланирован налёт на квартиру ювелира, и Заяц с Лягушкой его ждут не дождутся. Ладно, как-нибудь в другой раз. Встретимся ещё...

Кошельков посмотрел вверх, на звёзды, потом на холодное дуло своего маузера. Два дня назад, пожалев пулю, он сделал рождественский подарок большевикам. Теперь ему пули не жалко, будет «подарок» самому Отману, который считался грозой бандитов и воров и который дважды брал его, Кошелькова. Что ж, с Рождеством Христовым, господин Отман!

Разорвавший ночную тишину выстрел был последним звуком, который Юрий Генрихович слышал в своей жизни. От выстрела его шатнуло, но он устоял на ногах, лишь невольно повернулся к бандитам спиной. За первым выстрелом последовал второй, в спину. Но Юрий Генрихович его уже не слышал.

* * *

Домашний сейф был предметом его гордости. Вернее, не сам сейф, а его содержимое, которое представляло личную картотеку работника Московского уголовного сыска Отмана Сергея Генриховича. В период революционных событий 1917 года в Петрограде, Москве и других крупных городах России в условиях всеобщего хаоса и погромов были уничтожены ценнейшие картотеки преступного мира, картотеки, собиравшиеся десятилетиями, был перечёркнут огромный опыт, накопленный теми, кто стоял на пути преступников. Как правило, в таких погромах под видом борьбы со старым режимом участвовали либо сами преступники, выпущенные на свободу, либо лица из числа осведомителей и прочих сотрудничавших с полицией. А вот личная картотека Сергея Генриховича сохранилась, чем он очень гордился. Про эту картотеку никто, кроме него, не знал. Знала только ныне покойная супруга Мария Андреевна, да Ольга догадывалась, что отец хранит в сейфе что-то важное, возможно, не только драгоценности. Конечно, семья Отманов в царское время не бедствовала, и кое-что ценное в сейфе было. Но Сергей Генрихович всё это аккуратно упаковал и держал в дальнем углу на чёрный день. А вот картотеку просматривал регулярно.

Половина второго ночи. Всё, пора спать. Сергей Генрихович бережно закрыл дверь сейфа. В это время где-то за домом, совсем близко, прогремел выстрел, затем ещё один. Отман насторожился: знакомое чувство предсказывало ему беду. Он снова опустился в своё кресло-качалку, задумался. Нет, не такой должна быть Россия, и Москва тоже.

Спать неожиданно расхотелось, а чувство тревоги не проходило. Сергей Генрихович взял старый учебник по криминалистике, начал листать. В это время в прихожей робко зазвенел звонок. Что такое? Опять ЧК? Не похоже...

Он подошёл к двери, приоткрыл через цепочку. На лестничной площадке стоял дворник Хасан.

– Беда, барин, беда, – запыхавшись, выпалил он, назвав Отмана по старинке. – Ваш брат...

... В домашних тапочках, с непокрытой головой, едва успев накинуть шубу, он поспешил вслед за Хасаном.

В неярком свете луны Сергей Генрихович увидел брата, который лежал на снегу в позе спящего. И только большое тёмное пятно крови говорило за то, что от такого сна не просыпаются.

– Юра... Юрочка... Ну как же это...

Вдруг он заметил на снегу то, что заставило его содрогнуться. Поднял – это была визитная карточка Кошелькова. Её, видимо, ветром сдуло на снег с груди убитого.

Он повидал много смертей, но в эту не хотел, не мог поверить. Сергей Генрихович прижал пальцы к сонной артерии. Нет, чуда не случилось, его брат Юрий был мёртв.

* * *

– Я верил, что вы к нам придёте, – тряхнув густой шевелюрой, Ершов поднялся из-за стола. Вышел навстречу Отману, подал руку. Сергей Генрихович ответил тем же. – Садитесь, время не терпит. Вчера мне в очередной раз досталось от начальства: по Кошелькову дело фактически не сдвинулось.

Сергей Генрихович тяжело опустился на стул напротив Ершова; низко опустил голову, молчал.

– Что с вами? – нахмурил тёмные брови Ершов.

Отман с трудом выговаривал слова:

– Я, конечно, признателен за то, что брата освободили... но почему, почему его отпустили ночью?

– Что-то случилось?

– Случилось. Его убили. На груди лежала визитка Кошелькова.

– Потрясённый услышанным, Ершов вышел из-за стола, подошёл к Отману.

– Но я же всеми силами пытался его удержать! Я присутствовал при его освобождении. И следователь Фельдман уговаривал его остаться до утра. Но он ни в какую...

Наступила пауза. Ершов тронул Отмана за плечо:

– Примите...

Не дав ему договорить, Сергей Генрихович резко встал:

– Не надо соболезнований. Поймать или уничтожить бандита Кошелькова для меня теперь вопрос чести. Как, впрочем, и для Московского уголовного сыска.

– Московского уголовного розыска, – поправил Ершов, – и всей нашей объединённой группы.

* * *

Уголовным сыском называлась служба российской полиции в период с 1866 по 1917 год. Впервые такая служба была создана в Петербурге при канцелярии обер-полицмейстера. До этого сыскные функции осуществляли судебные следователи и вся полиция.

К отбору кандидатов в сыскную полицию подходили самым ответственным образом: возраст от 25 до 40 лет, русское подданство, православное вероисповедание, здоровое и крепкое телосложение и представительная внешность.

Специфика работы в уголовном сыске предъявляла к сотрудникам высокие требования. В связи с этим в ряде городов России были открыты специальные школы подготовки – школы полицейской стражи. Успешно сдавшие экзамены зачислялись в школу и приступали к обучению. Учебный процесс и распорядок в школе были жёсткими, но разнообразными: классные занятия, гимнастика, фехтование, ознакомление с различными способами борьбы, видами оружия и стрельба из него; и, конечно же, дежурства в ближайшем сыском отделении.

В курс сыского дела входило обучение таким формам и методам работы, как личный сыск, состоящий из непосредственного поиска, наружного наблюдения и внедрения сотрудника в преступную среду; работа с агентурой; работа с техническими средствами, включая ведение картотек, дактилоскопию, нахождение следов и вещественных доказательств (вещдоков) преступления. Здесь уместно заметить, что дактилоскопические учёт, то есть идентификацию личности по следам пальцев рук, уголовный сыск России начал применять одним из первых в мире.

Результаты такой профессиональной подготовки не заставили себя долго ждать. О сотрудниках царского уголовного сыска в своё время ходили легенды. Не давал спокойной жизни бандитской Марьиной Роце Московский уголовный сыск под руководством Аркадия Кошко. На лацкане пиджака сотрудники московской сыской полиции носили знак с буквами «МУС» – московский уголовный сыск. Отсюда и появилось производное жаргонное слово «мусор» (не связанное, разумеется, с бытовыми отходами).

Особое место среди российских сыщиков занимает Иван Путилин – гроза преступного мира второй половины XIX века. Начав службу с самой низшей должности канцелярского писца, он благодаря своему таланту и трудолюбию вскоре становится начальником петер-

бургской сыскной полиции. Ни одно значительное дело не расследовалось в те годы без его участия. Он мог переодеться в робу бродяги или чернорабочего и, рискуя жизнью, идти в преступный мир – в среду воров и грабителей, на постоянные дворы, притоны – на самое дно общества.

Его примеру следовало большинство работников сыска, изучавших нравы, обычаи, законы и сленг уголовного мира. Особо ценилась возможность получить информацию в нужное время в нужном месте. Трусость, нерешительность, неоказание помощи считались позором и служили основанием для увольнения. О предательстве, коррупции не могло быть и речи.

Как положительный опыт указанные традиции были взяты на вооружение советским уголовным розыском, которому удалось сохранить часть специалистов, ставших его костяком. Опыт царских работников уголовного сыска был передан новым оперативным работникам, бывшим рабочим, солдатам, матросам, направленным на борьбу с преступностью.

* * *

Особая ударная группа, состоящая из сотрудников ВЧК и МУРа, расположилась в небольшом кабинете Ершова. Ершов как руководитель группы открыл совещание.

– Товарищи! Я не буду говорить, какая сейчас обстановка сложилась на фронтах, вы всё прекрасно знаете. Скажу только, что здесь, в Москве, тоже идёт война – война с бандитами, грабителями, ворами, убийцами и прочей сволочью. Они ведут себя нагло, ничего не боятся, стреляют направо и налево. К концу прошлого года в столице нашего пролетарского государства существовало более тридцати крупных банд. Некоторые из них мы ликвидировали, как, например, банду Сафронова, по кличке Сабан, в количестве тридцати четырёх человек. Поэтому опыт работы у нас появляется. Но людей не хватает, а время не ждёт. И вот сейчас нам поручена ликвидация самой опасной банды – банды Кошелькова, которая несколько дней назад замахнулась на жизнь товарища Ленина. Банда наводит страх на Москву и окрестности, отличается неслыханной дерзостью, не считается с количеством жертв. Вот что совершили они только в прошлом, тысяча девятьсот восемнадцатом году: вооружённое ограбление Управления железной дороги, типографии Сытина, девятого почтового отделения, ограбление двух заводов, водоканализации, Замоскворецкого совдепа и артельщиков на Лосиноостровской. А уж убийства рядовых граждан учёту не поддаются. Чтобы посеять панику, они убивают работников ЧК, уголовного розыска; одних милиционеров бандиты расстреляли двадцать два человека. Особая опасность банды видится в том, что, забрав документы убитых сотрудников, бандиты используют их в своих интересах, выдавая себя за тех, кого они убили.

Ершов смолк, слегка успокоился после своей темпераментной речи и уже негромко добавил:

– А теперь моё сообщение дополнит товарищ Отман.

Сергей Генрихович встал, выпрямился. Уже немолодой, но статный и подтянутый, он совсем не походил на того интеллигента, который, сидя в кресле-качалке, при свете настольной лампы перебирает свою картотеку. Многие из присутствующих знали, что он хорошо стреляет, владеет приёмами джиу-джитсу, может перевоплотиться как в надменного аристократа, так и в уличного бродягу; и ещё: говорит по-немецки и по-французски.

К слову «товарищ» он пока не привык, а обращение «господа» было бы в данном случае крайне неуместно. Поэтому своё выступление Сергей Генрихович начал просто:

– Уважаемые сотрудники, мне довелось иметь дело с Яковом Кошельковым, я его дважды брал. Могу сказать о нём следующее. Ему двадцать восемь лет. Он сын известного разбойничьими похождениями бандита, повешенного по приговору суда. Самостоятельную карьеру, если можно так выразиться, начал как вор-домушник и вскоре в криминальном мире Москвы достиг больших высот, покорив к тысяча девятьсот восемнадцатому году всю бандитскую Москву. По внешнему виду он выше среднего роста, смуглый, бритый, черноволосый; взгляд

тяжёлый, неприятный, – Отман достал фото Кошелькова анфас и в профиль и показал собравшимся. – Смел, обладает присутствием духа, находчив. В начале деятельности убивал только в целях самозащиты, но после случая, происшедшего год назад, стал жестоким садистом, убивает ради убийства.

– Что за случай? – спросил кто-то из присутствующих.

Сергей Генрихович хотел сообщить о Кошелькове только самое главное, не вдаваясь в подробности. Но на вопрос решил ответить:

– Дело было так. В январе прошлого года (Отман чуть было не сказал: «в последний месяц моей работы») Кошельков выехал развеяться на бандитскую свадьбу в Вязьму. В разгар застолья на свадьбу нагрянули местные чекисты. Под конвоем троих сотрудников Кошелькова повезли в Москву. Но дружки выручили, и довольно умело. Купили несколько буханок чёрного хлеба и в одну из них упрятали пистолет. На вокзале в Москве один из бандитов, переодевшись торговцем, подошёл к конвойным и попросил разрешения продать арестованному хлеба. Неопытные сотрудники разрешили, но не удосужились проверить буханку. В результате Кошельков, разломив буханку, вытащил пистолет, убил двоих конвойных и тяжело ранил третьего. А затем, естественно, скрылся в поднявшейся суматохе. Вот после этого он и убивает направо и налево: на свадьбе-то его кто-то сдал, наведя чекистов.

Сергей Генрихович сделал паузу, оглядел всех собравшихся. Любого из присутствующих он был старше лет на пятнадцать – двадцать. Его слушали внимательно. Ему это понравилось, и он решил ещё продолжить:

– В отличие от других бандитских главарей, Яков Кошельков предстаёт перед нами, если так можно выразиться, интеллектуалом. Он знает французский, немного немецкий, начитан, любит поэзию. Перед тем как убить, может вежливо, даже с юмором, побеседовать со своей будущей жертвой. Он прекрасно стреляет, в том числе по-македонски.

– Это как? – прервал молчание слушателей молоденький матрос.

– С двух рук, в каждой из которой по пистолету, – пояснил Отман и стал подробно описывать ближайших Кошелькову членов его банды – Василия Зайцева (Зайца), Фёдора Алексева (Лягушку), Алексея Кириллова (Сапожника), Ивана Волкова (Конька) и других.

– На каждом из них по несколько убийств, не говоря уже про ограбления, – дополнил молчавший до этого Ершов.

Отман понял, что пора заканчивать.

– И ещё, что немаловажно. Все бандиты, в том числе из окружения Кошелькова, любят шумные места: рестораны, трактиры. Кошельков же там никогда надолго не остаётся, может уйти и через несколько минут. А дела предпочитает решать на своих конспиративных квартирах.

– На каких конкретно?.. – спросил ещё один из сидящих в кабинете.

Отман замялся:

– Это... это в рабочем порядке, сообщу персонально.

После посыпались вопросы ему и Ершову. Соплевание грозило затянуться. Наконец, Ершов поднялся:

– На сегодня всё, товарищи. Завтра в это же время у меня.

В опустевшем кабинете они остались вдвоём.

– Вы специально не назвали адреса конспиративных квартир? – спросил Ершов с нескрываемым недовольством.

– Да, специально.

– Не доверяете?

– Почему же... Но по правилам нашей работы конспиративные квартиры бандитов, если они становятся нам известны, не оглашаются публично.

Ершов подумал и понимающе кивнул, но трудно было сказать, согласен он или нет.

– Ладно, пусть будет так. Теперь главное, Сергей Генрихович, с вас план проведения оперативных мероприятий. Срочно.

– Завтра будет.

– Никаких завтра. Сегодня. Садитесь за стол и начинайте составлять немедленно.

* * *

Но разработанный и утверждённый самим Дзержинским план с первых же дней его реализации полетел, как это говорят, вверх тормашками. Молодые, ещё неопытные работники ЧК и угрозыска торопились, сокращая, а порой игнорируя подготовку операции. И это сказывалось. Так, на одной из предполагаемых конспиративных квартир Кошелькова устроили засаду. Кошельков же послал в разведку Ваську Чёрного. Ваську взяли. А когда стали выводить, сами наскочили на засаду, устроенную уже Кошельковым. Два сотрудника были убиты, один ранен. Кошельков и Васька Чёрный благополучно ушли.

– Кто? Кто разрешил брать Чёрного? – Сергей Генрихович, негодуя, ходил взад-вперёд по кабинету. Ершов сидел за столом, грустно молчал. – Я уж не спрашиваю, почему меня не известили о проведении операции.

– Всё вышло как-то неожиданно... – вяло оправдывался Ершов.

Но Отмана остановить было трудно:

– Хорошо, пусть неожиданно, пусть без меня, но надо помнить, что Кошельков не такой дурак, чтобы первым сунуться на хазу... Что там Курбатов говорит в своё оправдание?

– Что они не могли позволить уйти бандиту.

– Замечательно!.. Но ловим-то мы не Ваську Чёрного, а Кошелькова. Хотя и Чёрного, эту сволочь, пора к стенке ставить: ещё зимой семнадцатого вырезал на Пресне целую семью.

Но при этом Сергей Генрихович видел, что молодые розыскники пусть постепенно, но набираются опыта. И что отрадно: часто приходят к нему за советом. Как тот же Курбатов, который уже и воровской жаргон освоил, и даже научился гримироваться. Именно Курбатов вскоре оказался ближе всех к поимке Кошелькова.

В тот день, взяв с собой ближайшего помощника Ваню Мальцева и переодевшись соответствующим образом, он пошёл в разведку по кабакам и злачным местам Москвы. В одном из трактиров в Сокольниках они обратили внимание на группу парней. Приблатнённый вид, манеры и воровской жаргон говорили за то, что они из криминальной среды. Курбатов и Мальцев заняли столик поближе к ним, заказали выпивку и начали «ботать по фене» о больших деньгах. Блатные насторожились. Один из них подошёл к оперативникам:

– Кого пасём, господа?

Курбатов хорошо помнил указания Отмана: ни в коем случае не упоминать имя Кошелькова. Поэтому на блатном жаргоне пояснил, что задолжал Коньку приличную сумму, но не знает, где его найти.

– Большие бабки? – спросил подошедший, сверкнув золотыми зубами.

– Большие, но на выпивку останется, – засмеялся Курбатов.

– Ну так закажи...

Сдвинув столы, объединённая компания продолжила веселье. Курбатову пришлось, естественно на блатном диалекте, пояснять, где, когда и за что он сидел вместе с Коньком. Легенду по действительным событиям они отработали заранее с Отманом, хорошо знавшим биографию Ивана Волкова – Конька.

Совместная пьянка длилась часа два. Курбатов и Мальцев больше о Коньке не упоминали. И это дало результат. Прощаясь, тот, что с золотыми зубами, тихо шепнул Курбатову:

– Слушай сюда. Насчёт Конька: он по четвергам в баню ходит на Пресне, утром.

Операция по захвату Волкова-Конька с тремя корешами прошла на редкость спокойно, без единого выстрела.

На допросе Конёк угрюмо молчал. Тогда Ершов лично пообещал ему смягчение приговора, под которым подразумевался расстрел, если он поможет следствию. И грозный бандит согласился. Он назвал две конспиративные квартиры, которые Янька-Кошелёк облюбовал в последние недели.

Засады организовали по всем правилам, но Кошельков не пришёл. И на старых конспиративных квартирах он тоже не появился. Узнав об аресте Конька, он залёг на дно.

* * *

Пароход швартовался долго, неохотно. Пассажиры в военной форме без погон жадно смотрели с палубы на берег, ожидая, когда же подадут трап. Вот трап наконец-то подали, и бывшие военнопленные, молодые и степенные, бритые и бородатые, загорелые и не очень, не торопясь начали спускаться, чтобы продолжить путь в небольшое двухэтажное здание для проверки личности и выдачи справок, заменяющих новые документы.

Этим майским утром пароход «Олимпия» привёз в Петроград русских офицеров из германского плена. Транспорты с солдатами прибыли неделей раньше. С солдатами всё было просто: домой – и никаких гвоздей! А вот с офицерами дело обстояло совсем иначе. В немецком плену офицерам разрешалось читать газеты, посещать близлежащий городок – выпить по кружке пива да наведаться к девицам из борделя. А денщики даже бегали для своих генералов за водкой, которую худо-бедно заменял местный шнапс. Поэтому офицеры были хорошо информированы о том, что происходит в России, да и в мире. В результате многие из них отказались возвращаться в Петроград в большевистскую Россию. Кое-кто остался в Германии, кто-то, сойдя в Риге или Ревеле, решил пробиваться на юг к Деникину.

Процедура проверки личности и выдачи справок заняла достаточно много времени. Лишь к середине дня штабс-капитан Алексей Балезин вышел за пределы порта. Вдохнул полной грудью, огляделся: вот и на Родине!

Первым делом он отыскал телефонную будку и с удивлением обнаружил, что связь работает. Набрал номер, который хорошо помнил. – Вам кого?

– Будьте любезны, профессора Солнцева.

– Игорь Петрович во Франции.

Алексей Балезин узнал голос жены Игоря Петровича, но представляться и расспрашивать не стал. Что тут расспрашивать – среди множества эмигрантов и его учитель профессор Солнцев. К великому сожалению...

Куда теперь? И кому он нужен?

Он шёл и удивлялся: как изменился город с того памятного 1914-го... Нет ни шумных экипажей, ни нарядно одетых женщин, ни ярких вывесок магазинов. Зато на каждом шагу патрули, а по мостовым проезжают грузовики с вооружёнными людьми.

Он подошёл к дому, который хорошо знал и в котором прожил почти четыре года, прежде чем уйти на войну. Здесь он жил у Елизаветы Юрьевны, своей тётки – единственного близкого ему человека. Но милая тётушка, у которой не было своих детей и для которой он был за родного сына, уже два года как преставилась, а он даже не знает, где её могила. Были ещё друзья по университету, но где их сыщешь? Да и живы ли они?

Во двор дома он зашёл с опаской. Кто помнит его, недоучившегося студента... Он всё-таки решился, поднялся на третий этаж, остановился у знакомой двери. Звонок не работал. Тогда он постучал.

– Чего тебе? – дверь открыла небрежно одетая женщина неопределённого возраста. За её спиной прошагал мужик в тельняшке, не обратив на Алексея никакого внимания. Из кухни

раздавались голоса: кто-то с кем-то ругался. И в довершение всего отвратительно пахло не то жареным, не то мочёным.

– Кого надо? – переспросила женщина. Он не ответил – повернулся и пошёл. Он понял, что он для этих людей чужой, как, впрочем, и они для него.

Выходя из подъезда, встретил дворника, который его с трудом, но узнал. Дворник и подсказал, на каком кладбище покоится тётушка. ... Алексей Балезин сел на лавочку в небольшом сквере, снял вещевой мешок – единственную личную ценность, задумался. Это всё война, будь она проклята! А ведь в августе четырнадцатого и мысли, и настроение были другими.

* * *

Патриотизм... Это чувство всегда овладевало русскими, российскими, а позже советскими людьми в часы, когда над Родиной нависала опасность. Мы знаем, какой большой патриотизм наблюдался в конце июня 1941 года, когда к дверям военкоматов приходили тысячи добровольцев, когда толпы людей провожали на фронт своих родных и близких, друзей и товарищей по работе. «Вставай, страна огромная!» – эта песня стала гимном патриотизма 1941-го, гимном Великой Отечественной войны. Но не меньший патриотизм был и в августе 1914-го, когда началась Первая мировая война, которую в народе также называли Отечественной. Так же толпы россиян под марш «Прощание славянки» и «Смело мы в бой пойдём» (только не за «... власть Советов», а за «... Русь святую. И как один прольём кровь молодую») провожали добровольцев на фронт.

В советское время, начиная от школьных учебников, насаждалось мнение о поражении России в Первой мировой войне. Нам упорно твердили о «прогнившем царском режиме», о «бездарности» царских генералов, о «неготовности к войне» (как будто в 1941-м мы были к ней готовы). Но «прогнивший царизм» в 1914 году провёл мобилизацию армии чётко, без намёка на транспортный хаос. «Не готовая к войне» русская армия под командованием «бездарных» царских генералов в начале войны нанесла противнику несколько мощных ударов, провела ряд наступательных операций, в том числе и на вражеской территории, не отступая до Москвы и до Волги. Да, отступать приходилось, но армия отходила дисциплинированно и организованно – только по приказу. Гражданское население же старались не оставлять на поругание врагу, а по возможности эвакуировать.

Царю-батюшке и его «прогнившему» режиму даже в голову не пришло репрессировать семьи солдат и офицеров, попавших в плен, а тех, кто из плена вернулся, отправлять в холодные лагеря. «Угнетённые национальности» из своей «тюрьмы народов» не горели желанием перейти на сторону врага. И на стороне кайзеровской Германии не воевал миллион русских добровольцев типа власовцев.

Перед войной русская армия насчитывала 5338 тысяч человек. У неё было 6848 лёгких и 240 тяжёлых орудий, 4157 пулемётов, 262 самолёта (больше, чем у Германии) и 4 тысячи автомобилей. За годы войны в русскую армию было призвано почти 16 миллионов человек из всех сословий и едва ли не всех национальностей Российской империи. Это ли не народная война! И эти «наильно призванные» воевали без комиссаров и политруков, без чекистов, штрафбатов и загранотрядов.

И храбрости, воинской доблести было в ту войну предостаточно. Георгиевским крестом были отмечены около полутора миллионов человек. Полными кавалерами Георгиевских наград всех четырёх степеней стали 33 тысячи человек. Медалей «За храбрость» к ноябрю 1916 года было выдано на фронте свыше полутора миллионов. Следует отметить, что тогда кресты и медали просто так никому не вешали, за тыловые заслуги не давали, а давали только за участие в боях.

Среди тех, кого провожали осенью 1914-го, был и Алексей Балезин. Но на фронт он попал не сразу, его первоначально направили в школу младших офицеров. Поэтому своё первое боевое крещение он получил в апреле 1915 года в должности заместителя командира пулемётной команды и вскоре, после гибели командира, занял его место. И чем чаще видел он, наряду с отвагой, гибель своих боевых товарищей, разорванные в клочья тела, озлобленные лица солдат, которых война оторвала от земли, дома, жены и детей, тем настойчивей задавал себе вопрос: а за что же он воюет? За Россию? Может быть, может быть... Но нужна ли России эта война? Что она будет иметь от гибели своих граждан, своих сынов? Много лет спустя в Великую Отечественную он не станет задавать себе этого вопроса – там всё предстанет слишком ясным и очевидным. Но в эту войну...

Балезин закрыл глаза, обхватил голову руками. Хватит, хватит... прочь воспоминания... Как? Ну как от них убежать?..

* * *

– Не помешал?

Алексей слегка повернул голову. Справа от него на скамейке сидел приятного вида мужчина лет сорока, с тёмной окладистой бородой, в строгом чёрном костюме-тройке и того же цвета шляпе. Увидеть человека в таком наряде в мае 1919 года в Петрограде было редкостью.

– Что за дело у вас ко мне? – Балезин, закинув ногу на ногу, смотрел вперёд, а не на новоявленного собеседника, тем самым давая понять, что не очень-то расположен к разговору.

– Почему вы решили, что у меня к вам дело? – тот, что с бородкой, ответил вопросом на вопрос.

Алексей усмехнулся с оттенком презрения:

– Во-первых, если бы вы захотели отдохнуть, присели бы на соседнюю свободную лавочку, а не ко мне. Значит, я вам чем-то интересен. А во-вторых... – Он вдруг повернулся к назойливому незнакомцу всем корпусом и глянул в упор. – А во-вторых, вы засветились. Не будете же вы отрицать, что шли за мной от самых ворот порта... на расстоянии, разумеется.

– Браво, – человек с бородкой слегка приподнял ладони рук, как бы признавая своё поражение. – Узнаю работника контрразведки.

– Бывшего.

– Да будет вам... в разведке и контрразведке бывших не бывает.

Теперь уже Балезин с интересом посмотрел на собеседника.

– Вы бы хоть представились.

Незнакомец снял шляпу, давая возможность лучше рассмотреть своё лицо. Это было знаком доверия.

– Моё имя вам мало что говорит, но попробую. Итак, Юргенс Эдуард Артурович, иностранный отдел ВЧК. Слышали про такой?

– Про ЧК? Слышал. В доме, где жила моя тётушка, нескольких человек забрала ЧК. Домой они не вернулись.

Юргенс надел шляпу, вздохнул:

– Я бы не хотел открывать дискуссию о степени их виновности. Как сказал товарищ Ленин, революцию в белых перчатках не делают. Революция – это всегда жертвы. И многие жертвы, к сожалению, напрасны.

– Я-то на кой чёрт вам нужен?

– Хотите верьте, хотите нет, но сорок процентов царских офицеров служат в Красной армии.

– Может быть, может быть... Выбор невелик: голодная смерть или паёк.

– Бросьте иронизировать. Не паёк и не главным образом паёк. Просто офицеры – люди в основном образованные и понимают, что победи белые – Россия будет сателлитом у стран Антанты, да и у Америки с Японией. Надо же платить по долгам. А вот мы, большевики, эти долги аннулировали. Наша новая Россия ни от кого зависеть не будет.

Наступила небольшая пауза. Потом назвавшийся Эдуардом Артуровичем спросил:

– Вот вы воевали, а за что?

Он попал в точку. Алексей давно уже был в плену этого вопроса. А его собеседник, похоже, хорошо разбирался в международной политике.

Вдруг в груди сдавило, и Балезин разрылся резким кашлем.

– Что с вами? – нахмурился Юргенс.

Алексей откашлялся не сразу.

– Старая история: хлебнул немного газу. Потому и в плен попал. Юргенс продолжил:

– Так вот: Англия и Франция воевали с Германией. За что? За колонии, за право торговать в Европе. А Россия тут при чём? Зачем Николай Второй полез в войну?

– О судьбе Николая Второго я знаю из немецких газет.

– Не об этом речь. Поймите, мы, большевики, – новая власть, власть трудящихся. И я вам предлагаю работать на эту власть.

– То есть вы предлагаете мне вступить в Красную армию и вместо одной войны, которая, слава богу, закончилась, участвовать в другой – гражданской? Нет уж, увольте. Стрелять в своих бывших товарищей по оружию, которые на той стороне, – это не для меня. И в Белой армии меня не будет. Воевать против мужиков? Да у меня почти вся пулемётная команда состояла из них... В общем, хватит, навоевался! Как ни странно, Юргенс от последних слов слегка повеселел.

– Ничего иного я от вас услышать и не ожидал. Нет, стрелять я вам не предлагаю. Вы с вашими знаниями иностранных языков и опытом работы в контрразведке нужны совсем в другом деле.

Далее Юргенс сообщил Алексею, что некоторые страны готовы признать Советскую республику и установить с ней дипломатические отношения. А значит, нужны грамотные люди, знающие иностранные языки и умеющие работать и легально, и нелегально.

– Вы прошли школу Батюшина и нам подходите, – заключил он. При упоминании имени Батюшина Алексей резко повернулся к собеседнику:

– Вы знали Николая Степановича?

– Не только знал, но и работал вместе с ним.

– И где он сейчас?

– К сожалению, у Деникина.

Юргенс разочарованно вздохнул. Потом достал портсигар, предложил Алексею закурить. Тот, не колеблясь, принял.

– Как видите, я от вас ничего не скрываю, – затягиваясь, проговорил Юргенс.

Балезин впервые улыбнулся:

– Нет ничего роднее русской папиросы. Эти немецкие сигареты – такая дрянь! Кстати, благодаря двум из них я вас вычислил. Я дважды прикуривал, на секунду поворачиваясь, якобы от ветра, в вашу сторону. Этого мне было достаточно... Получается, что и я от вас ничего не скрываю.

– Браво. Но должен вас разочаровать. Я это прекрасно видел. Я ведь тоже из контрразведки.

Молчали, курили.

– По-моему, разговор у нас получается, – нарушил молчание Юргенс. – Так как вам моё предложение?

Алексей ответил не сразу. Предположим, откажется он, а дальше что? Куда ему податься? Домой в свой городок, что недалеко от Киева? Но там сейчас петлюровцы. Да и сколько лет он там не был, родных-то уже никого не сыщешь. Доучиваться в университет? Но ещё не известно, как отнесётся к нему новая власть.

– Если соглашусь, чем я буду заниматься? – спросил он.

– Для начала поедем в Москву. Я представлю вас руководству ВЧК.

При упоминании Москвы Алексей почувствовал, как защемило сердце. Москву сентября тысяча девятьсот пятнадцатого он, как ни пытался, забыть не мог. А вдруг случай соблаговолит ему, и он снова встретит Ольгу?

– О чём задумались?

– Так... ничего...

Юргенс продолжал:

– А потом мы направим вас в Афганистан. Он готов установить с нами дипломатические отношения на уровне посольств. А уж легально или нелегально вы будете там работать – второй вопрос. Возможно, вместо Афганистана будет Персия. Кстати, как у вас насчёт фарси?

– Говорю немного, изучал, но знаю не так, как европейские языки.

Эдуард Артурович Юргенс поднялся. Алексей последовал его примеру.

– Тогда до встречи на вокзале. Вечерним поездом едем в Москву.

Балезин слегка замялся.

– Что-то хотите сказать? – мигом отреагировал Юргенс.

– Я могу не успеть...

– У вас какое-то дело?

Алексею не хотелось раскрывать душевные тайны, но пришлось.

– Хочу найти могилу тётушки. Она мне как родная мать была.

Юргенс понимающе кивнул: краткую биографию Алексея Балезина он уже знал. Потом вынул из кармана небольшой пакет:

– Тогда возьмите вот это. И если не успеете сегодня, выезжайте завтра.

– Что тут?

– Немного денег.

– Незнакомому человеку даёте деньги?

– Бросьте вы, мы уже полчаса как знакомы. Да и служили в одной организации.

Алексей осторожно взял пакет.

– Спасибо. А то, сами понимаете, у меня денег – как у лягушки перьев.

Юргенс слегка приподнял шляпу:

– Тогда до встречи...

... Сделав пару шагов, Алексей Балезин обернулся. Его собеседник, словно по команде, сделал то же самое.

– А всё-таки где вы служили у Батюшина? Если честно, я вас не видел.

Юргенс дружески улыбнулся. Впервые появившаяся на его лице улыбка неплохо сочеталась с его голубыми глазами и тёмной окладистой бородой.

– Готов повторить, что от вас ничего не скрываю. А служил я, – он ткнул указательным пальцем куда-то вдаль, – там, где по-русски не говорят.

Балезин понимающе кивнул. И вдруг снова закашлялся.

– Вам для здоровья нужен сухой южный климат, – заметил Юргенс. – А вот курить надо бросать.

* * *

Небольшой могильный холмик, поросший свежей травой. Деревянный православный крест. Тонкая берёзка, у которой только-только пробивается листва. И птичий пересвист, задорный, весенний. Честно говоря, Алексей в одиночку вряд ли разыскал бы могилу тётушки. Могильщик, он же сторож, сначала наотрез отказался помочь – пришлось ему отдать всю едва начатую пачку папирос. Помог, нашёл и убрался восвояси. И вот он, Алексей Балезин, сидит на чудом сохранившейся лавочке у могилы самого дорогого ему человека. Кем бы он был, если бы не его милейшая Елизавета Юрьевна?

Вспомнилось детство... Он родился в небольшом украинском городке, что недалеко от Киева. Отец, земский врач, умер, когда Алексею едва исполнилось десять лет. В то лето на юге России свирепствовала холера, и отец, как мог, помогал пострадавшим. А потом заразился и сам. Разбитая горем мать ненадолго пережила отца. Он, Алексей, единственный их сын, оказался круглым сиротой. Опеку над ним быстро оформил старший брат отца дядя Антон. Если

у дяди до этого была бакалейная лавка, то теперь появилась вторая, уже в доме Алексея. Вся деятельность дядиной семьи с утра до вечера была связана с торговлей. Алексей им тоже помогал, но главным для него была гимназия, в которой он учился на отлично. Особенно любил иностранные языки и физику. Поэтому среди домашних и выглядел как-то обособленно. Нет, его не обижали, но он чувствовал, что чем дальше, тем больше отдаляется от многочисленного торгового семейства дяди. «Что-то ты много сегодня умничаешь, Алексей», – чуть ли не каждый день повторял дядя.

Случай круто изменил его жизнь. У них в городке всего один день в местном цирке-шапито гастролировала группа борцов-силачей. Ажиотаж стоял небывалый. Ещё бы: афиша вещала, что среди борцов не кто-нибудь, а сам Иван Заикин – личность легендарная! Алексей к тому времени занимался гимнастикой и борьбой, а на стенках его комнаты красовались фото и картинки известных силачей.

Никто из его друзей и знакомых не смог достать билета, а он, Алексей Балезин, всё-таки один билет достал! И вот уже у самого входа в цирк, при скоплении большого числа народа, предвкушавшего небывалое зрелище, Алексей вдруг ощутил, что билет он... потерял... Он лихорадочно шарил по карманам, вывёртывал их содержимое, но билета не было.

Когда он подходил к своему дому, на него было страшно смотреть. Что он скажет завтра друзьям и знакомым барышням... Позорище...

Он отворил дверь прихожей и остановился. Перед ним стояла немолодая элегантно одетая женщина. Вид у неё был недовольный и надменный.

– Это ещё кто такой? – вдруг спросила она по-немецки.

Алексея это разозлило, и он так же по-немецки ответил, кто он такой, что это его дом, и при этом заметил, что не худо было бы ей сначала самой представиться.

Лицо незнакомки просветлело, на нём появилось чувство сострадания:

– Боже ты мой... Алёшенька! Совсем взрослый... – заговорила она уже по-русски. – А как на Танечку похож...

При упоминании имени матери Алексей сразу сообразил, что перед ним её старшая сестра Елизавета Юрьевна. От родственников слышал, что в молодости она сбежала из родительского дома с каким-то офицером. Так больше в городке и не появилась. И вот...

Елизавета Юрьевна тут же сообщила, что она проездом, что у неё мало времени и она хотела бы побывать на могилах родителей и сестры. А эти, у которых живёт Алексей, – эти торгашки, кроме «купи-продай», ничего не знают и помочь ей не хотят.

Алексей, конечно же, согласился помочь. Они наняли извозчика и вскоре были у ворот городского кладбища. У могилы сестры Елизавета Юрьевна опустилась на колени и заплакала, ведь она только недавно узнала о её смерти.

На вокзале, прощаясь, тётушка сказала:

– Алексей, вы должны непременно побывать у меня в Петербурге, – и протянула визитную карточку. – Скоро каникулы, жду.

Алексей долго махал вслед удалявшемуся поезду. Потом рассмотрел визитную карточку: «Грачевская Елизавета Юрьевна, Смольный институт, высшие женские курсы». Далее следовал адрес.

Несколько часов назад в городке не было человека несчастнее его. А сейчас он шёл с вокзала домой в необычайно приподнятом настроении. У него есть родная тётя! И не где-нибудь, а самом Санкт-Петербурге – столице Российской империи! В цирке-шапито борцы дубасили друг друга, неистово орала публика, а он шёл по опустевшим улицам и думал только об одном: он обязательно в каникулы приедет в Петербург!

И приехал. То, что он увидел, было для него потрясением. Строгие прямые улицы, дворцы и парки, кафе и дорогие магазины, мосты, гранитные набережные Невы и Фонтанки; белые ночи дополняли красоту города. И столичная публика: воспитанная, высокомерная, зна-

ющая себе цену. Не меньше поразили Алексея дом и квартира, где жила Елизавета Юрьевна. Высокий красавец в пять этажей дом; двор отделён металлической оградой. Кругом чистота, дворник знает своё дело. А квартира... три комнаты, прихожая, длинный коридор, в котором можно заниматься гимнастикой. И ещё: электричество, люстры, ванная, туалет. В их дом в городке электричество дошло совсем недавно. И потом... уму непостижимо: в этой огромной квартире тётушка жила... вдвоём с горничной Анфисой, добродушной толстушкой того же возраста. Вечерами они пили чай и разбирали последние светские новости. Среди учениц Елизаветы Юрьевны были девушки из самых известных в городе фамилий, поэтому она хорошо знала, где и что наверху происходит. Тётушка была человеком занятым, но если случалось свободное время, они с Алексеем гуляли по набережным и скверам Петербурга. С Елизаветой Юрьевной часто здоровались, и если это делали молодые девушки, Алексей успевал тайком рассмотреть их и даже в некоторых случаях обменяться взглядами.

Домой в городок он вернулся другим – человеком, для которого, кроме Петербурга, ничего не существовало. В гимназии ему оставался год учёбы, и этот год он провёл за книгами: дома и в единственной городской библиотеке. Гимназию он окончил на отлично, с похвальной грамотой.

И вот снова Петербург, университет, историко-филологический факультет. И он... не поступил. Знаний, полученных в гимназии, оказалось недостаточно.

Елизавета Юрьевна, не особенно расстроившись, первой привела его в чувство:

– Алексей, вы останетесь у меня и весь год будете готовиться. А вашими пробелами в области словесности я займусь сама.

И он готовился, трудился, как никто. А чтобы не быть нахлебником, устроился в одно из рекламных агентств. И через год поступил... но не на историко-филологический, а на физико-математический – случай изменил его решение.

Как-то вечером Алексей возвращался домой, непривычно задержавшись на работе в своём агентстве. Вечер был хмурый, моросил дождь – уже темнело. На улице, по которой он шёл, прохожих почти не было. Впереди, метрах в пятидесяти, не спеша шёл прилично одетый человек в длинном пальто и шляпе; в руках он держал портфель. Вот он свернул в узкий переулочек – и тотчас же раздался крик! Алексей, почувствовав что-то неладное, резко ускорил шаг.

В переулке было совсем темно, но он на зрение никогда не жаловался, а поэтому сразу разглядел, как крепкого сложения парень одной рукой пытается вырвать портфель, а в другой держит нож. Силы были явно неравны. Человек в длинном пальто стойко оборонялся, обхватив портфель двумя руками, точно дорогую реликвию. На помощь он не звал, видимо, не успел ещё. Все мысли его были о портфеле.

Трёх шагов хватило Алексею, чтобы подбежать и заломить грабителю назад руку с ножом. Тот выронил нож, но вырвался и бросился бежать.

– Он вас ограбил? – отдышавшись, спросил Алексей. – Бог с ним, с бумажником, – незнакомец приходил в себя и ещё крепче прижал к груди портфель. – Главное вот это...

Алексей взялся его проводить, и по дороге они разговорились. Игорь Петрович – так звали человека в длинном пальто, – оказался профессором физико-математического факультета и, узнав, куда Алексей собирается поступать, принялся агитировать поступать к ним на физмат.

– Поймите, Алексей Дмитриевич, – он деликатно называл его по имени-отчеству, – мы стоим на пороге грандиозных открытий, которые перевернут мир.

Прощаясь, он пригласил Алексея на лекцию в Дом техники, которую читал для всех желающих.

– А о чём будет лекция?

– О радиоактивных веществах, о новом источнике энергии – энергии ядра атома.

Так Алексей Балезин раз в неделю стал посещать лекции профессора Солнцева, который недавно возглавил первую в России радиологическую лабораторию и одновременно преподавал на физико-математическом факультете. «Кем я буду, если закончу историко-филологический? – размышлял Алексей, возвращаясь с очередной лекции. – Учителем? Переводчиком? Работником архива?» Всё это, конечно, хорошо, но слова Игоря Петровича не выходили из головы: «двадцатый век будет веком освоения атома». И Алексей решил пойти на физмат.

Для Елизаветы Юрьевны это явилось ударом. Правда, своё негодование она выразила тем, что стала с Алексеем разговаривать только по-французски. И лишь когда он поздно возвращался со студенческой вечеринки, жёстко выговаривала по-русски: «Алексей, я вами очень недовольна». А тут ещё, как назло, в их квартире поселилась, сняв комнату, хорошая приятельница тётушки, тоже преподаватель высших женских курсов немка Клара Бек, которая понимала только немецкий. Алексею оставалось говорить на родном русском только на улице да в университете. Но для него всё происходящее дома стало хорошей лингвистической практикой.

Дальше были три года учёбы: шумные аудитории, лекции, диспуты, преподаватели, любимые и не очень, студенческие вечеринки, масса новых знакомств. А потом вдруг всё оборвалось, исчезло, кануло в окопы Первой мировой. Алексей, как и ещё несколько его сокурсников, пошёл добровольцем. Профессор Солнцев, как мог, отговаривал, обещая после окончания университета место приват-доцента, но студент Балезин был неумолим. Простились они холодно.

... Пачку папирос он отдал сторожу, но одну сохранил для себя. Закурил, задумался. Вот ведь как получается: случай стал играть в его судьбе ключевую роль. Ведь не потеряй он билет в цирк, вряд ли бы когда-нибудь он встретился со своей тётушкой не попал бы в Петербург. А может, у него билет попросту украли? Кто-нибудь из дядиных сыновей – его двоюродных братьев? Эти, не моргнув глазом, могли стащить и перепродать втридорога. Что ж, если так, он им только благодарен.

Другой случай – случай с профессором Солнцевым. Не напади на профессора грабитель, вряд ли он, Алексей, встретился бы с таким интересным человеком, открывшим для него много нового и интересного. Как жаль, что они не увиделись.

Балезин не мог предположить, что Игорь Петрович Солнцев не эмигрировал во Францию, а находился на стажировке в Париже в лаборатории Кюри, как не мог предположить, что новой власти работы по исследованию энергии атома будут нужны ничуть не меньше, чем власти прежней. Знай об этом, он не дал бы согласие Юргенсу и остался в Петрограде, несмотря на все трудности. И судьба его сложилась бы совсем по-другому.

И ещё один случай, круто повернувший его судьбу, произошёл в мае 1916-го. Их полк после тяжёлых боёв отвели на отдых в небольшой городок в Бессарабии. После выжженной окопной равнины оказаться среди белеющих яблоневых садов и зарослей сирени было равносильно сказке. Как-то днём рядом с ними расположилась колонна немецких пленных. Немцев решили покормить, благо полевые кухни в тылу работали с запасом. Алексей сидел на пустом ящике из-под пулемётных лент и наблюдал, как жадно поглощают гороховую кашу его вчерашние враги. Уже тогда он задавал себе вопрос: а что ему с ними делить, почему он должен стрелять в них, а они в него?

Из немцев ближе всех к нему присел молоденький лейтенант. Правая рука его висела на привязи и была по локоть в кровавых бинтах. Левой он неумело держал ложку и пытался захватить кашу из котелка. Немцы расположились прямо на дороге, и поэтому, когда по ней собрался проехать легковой автомобиль, многим пришлось встать и отойти в сторону. Их примеру собрался последовать и раненый лейтенант, но вдруг споткнулся и выронил из единственной здоровой руки котелок. Каша вывалилась на землю.

Алексею жалко стало парня, и он подошёл к нему, помог подняться. Трое охранников спокойно наблюдали за происходящим. Потом Алексей взял опустевший котелок, сбегал на

кухню и, вернувшись, протянул его, доверху наполненный кашей, немцу. В придачу из своих запасов добавил ломоть хлеба и маленький кусочек сала. – Данке... данке... – повторял немец.

Они разговорились. Немца звали Клаус. Он жил в пригороде Штутгарта и до войны работал учителем в местной гимназии. Отец у него тоже был мобилизован и год назад погиб во Фландрии. Дома остались мать и сестра.

Увлечённый разговором, стоя спиной к проезжей части дороги, Алексей не мог видеть, как из автомобиля, который остановился и заглох, за их беседой следит бравый генерал-майор. Пока водитель тщетно пытался завести машину, генерал не сводил глаз с Алексея, хоть тот и стоял к нему спиной. Затем он вышел из автомобиля.

– Поручик, можно вас...

Балезин живо обернулся, подошёл, откозырял и представился. Генерал-майор себя не назвал, лишь похвалил:

– Вы отлично говорите по-немецки. Где вы этому научились?

Балезин грустно улыбнулся:

– Готовился поступать на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета.

– Теперь уже Петроградского... – поправил генерал.

– Да, конечно, Петроградского... но передумал, поступил на физико-математический. Закончил три курса; в августе четырнадцатого ушёл добровольцем.

– А как другие языки? – незнакомец проявлял всё больший интерес.

В ответ Алексей процитировал на французском несколько строк из стихотворения Беранже и тут же признался:

– С английским дела обстоят хуже. Ещё начинал изучать восточные языки.

– Отлично, отлично, – тёмные глаза генерала светились огоньком.

В это время шофёр наконец-то завёл машину.

– Предлагаю вам, поручик, прокатиться, – незнакомец распахнул заднюю дверцу автомобиля. – Прошу!

Они отъехали за пределы городка, остановились на опушке леса.

– Погуляй, Василий, – приказал генерал шофёру, а сам, повернувшись, уже в упор, изучающе посмотрел на сидящего рядом Алексея.

Когда шофёр удалился на приличное расстояние, генерал попросил Алексея подробно рассказать о себе. Слушал внимательно, изредка задавал уточняющие вопросы.

Балезин закончил рассказ, посмотрел в лицо генералу, показывая тем самым, что пора бы и ему сообщить хоть немного о себе. Тот, естественно, понял.

– Батюшин Николай Степанович, – представился он. – Разведка и контрразведка Генерального штаба.

Замолчали. Потом Батюшин сказал, очевидно, главное:

– Предлагаю вам работать у меня. Насильно никого не беру, хотя мне это не составляет труда.

Алексей молчал, не зная, что и сказать. О контрразведке он слышал, у них в дивизии была такая служба. Но контрразведка Генштаба... это совсем другой уровень.

– Ну, что молчите?

– Да какой из меня, недоучившегося студента, ныне пулемётчика, работник контрразведки?

– А это уж наша забота. Ну?

– Я... я согласен.

... Смеркалось. Заморосил дождь. Алексей Балезин поднялся, стряхнул с шинели прошлогоднюю листву. Поклонился на прощание усопшей тётушке – неизвестно, когда ещё он вернётся сюда. Посмотрел куда-то вдаль, за вершины деревьев, задумался. Вспомнил, как когда-то давно, ещё в гимназии, на уроке античной истории он, по всем предметам круглый отличник, получил двойку. Тогда они изучали древнегреческих богов. Накануне он пробегал, к уроку толком не подготовился, и это сказалось. Аполлона и Гефеста он назвал правильно, а вот на вопрос, кто такая Тихе, ответил, что это богиня торговли, чем вызвал гнев историка, преклонившегося перед всем античным. «Подумаешь, из-за какой-то там Тихе двойку... ладно бы Афродита или Афина...» – возмущался Алексей, возвращаясь домой, хотя и понимал, что виноват сам. А ночью эта Тихе, с короной, украшенной листьями оливы, и с рогом изобилия в руке, явилась к нему, поведав, что в жизни каждого человека бывают случаи, которые могут круто изменить его судьбу. И этим распоряжается она – богиня случая Тихе. Сон запомнился надолго. Сколько же таких вот случаев будет в его жизни?

* * *

В один из октябрьских дней 2004 года среди жителей небольшого бельгийского городка Брен-ле-Конт царило немалое удивление. Ещё бы: на его улочках появилась кавалькада из нескольких автомобилей, которую возглавлял шикарный лимузин под российским флагом. Вскоре весь городок уже знал, что в этот день их посетил не кто-нибудь, а российский консул с сопровождающими лицами. Привыкшие к тишине и покою жители городка консула России видели впервые.

Но главное удивление заключалось не в том, кто приехал, а зачем приехал. Оказалось, на тихом кладбище, что на окраине городка, покоится большая знаменитость. Обнаруженная совсем недавно могильная плита поясняла надписью: «Русского Генерального штаба генерал-майор Н. С. Батюшин, 26 февраля 1874 года – 10 марта 1957 года». Именно здесь закончил земной путь один из самых загадочных, но достойных памяти военных деятелей России. Его имя большинству россиян сегодня ни о чём не говорит. Но именно Батюшин, занимаясь делом государственной безопасности, подготовил секретный доклад, в котором обосновал необходимость создания новой службы по выявлению иностранных агентов. На личной аудиенции 20 января 1903 года император Николай Второй доклад одобрил. Эту дату можно считать днём рождения контрразведки Российской империи.

Николай Степанович Батюшин... Он был в числе первых кадровых русских офицеров, получивших звание генерала от контрразведки. Трудно быть первым, особенно в таком щекотливом и деликатном деле, как разведка и контрразведка. Здесь, помимо профессиональных качеств, требуются высокий патриотизм, безупречная репутация, самоотверженность. Необходимы были немалая выдержка и упорство для преодоления непонимания со стороны тех военных деятелей, которые считали разведку и контрразведку делом второстепенным.

Почему мы так мало знаем о Батюшине? Дело в том, что судьба распорядилась так, что после Гражданской войны Николай Степанович оказался в эмиграции, сначала в Югославии, затем в Бельгии, а вся его семья осталась в СССР. Поэтому информация о нём сохранилась благодаря его жене Инне Владимировне, с которой он тайно переписывался через знакомых (и ведь никто не выдал!), благодаря дочери Ольге Николаевне и, естественно, профессионалам из спецслужб и некоторым историкам.

Николай Степанович Батюшин происходил из простой мещанской семьи, проживавшей в Астраханской губернии. После окончания реального училища, успешно сдав вступительные экзамены, он стал юнкером прославленного Михайловского артиллерийского училища. Там он не только получил навыки, необходимые будущему офицеру, но и овладел французским, немецким и польским языками, что очень помогло ему в профессиональной деятельности разведчика, в том числе во время пребывания в служебных командировках в ряде европейских городов.

Николай Степанович был разносторонне развитым человеком. Он много читал, сам писал, любил музыку, театр, хорошо играл на фортепиано, неплохо пел. Неслучайно его дочь Ольга Николаевна уже в советское время стала профессиональной певицей. И ещё: он любил семью, жену, детей – а их у него было пятеро, любил проводить время в кругу семьи, хотя это удавалось ему редко. Вступление России в войну с Германией и Австро-Венгрией навсегда разлучило Батюшина с семьёй, которая в то время жила в Казани. Он писал с фронта жене, и эти письма она бережно хранила, а после революций 1917 года тщательно скрывала.

С первых дней войны Николай Батюшин возглавил разведывательное отделение главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта. В его зону ответственности вошли большие территории: Прибалтика, Финляндия, побережье Балтийского моря, Петроградский военный округ.

В декабре 1915 года Батюшину присваивается звание генерал-майора. По поручению Генерального штаба он осуществляет инспекционные поездки и на другие фронты, где проверяет организацию разведывательной службы.

После в своих воспоминаниях Николай Степанович отметит, что, к великому сожалению, «... блестящий опыт тайной разведки мирного времени был сведён почти на “нет” во время войны...». Аналогичное положение складывалось и по линии борьбы со шпионажем. «Весь почти первый год войны контрразведкой никто из высших военных органов не интересовался совсем, и потому она велась бессистемно, чтобы не сказать спустя рукава», – подводит печальный итог Батюшин.

Но успехи были, причём не только в борьбе со шпионажем. В середине 1916 года генералу Батюшину в срочном порядке поручается выполнение государственных задач особой важности, связанных уже с внутренними врагами. К таким был причислен ряд финансовых воротил, нагло обирающих страну. Их обширные связи вели к самой императрице и её фавориту Григорию Распутину.

Первым в разработку контрразведки попал ближайший сподвижник Распутина банкир Дмитрий Рубинштейн. Он подозревался во многих грехах: в связях с немецким капиталом, в финансовых операциях в его пользу, в дискредитации рубля, в спекуляции хлебом на Волге и других. Но самым громким делом стало так называемое дело о сахарозаводчиках. Поводом для расследования комиссией, созданной Батюшиным из квалифицированных офицеров контрразведки, явилось исчезновение с российского внутреннего рынка сначала сахара, затем хлеба и других предметов первой необходимости.

Батюшин добился ареста Митьки (таково было прозвище Рубинштейна), у которого при обыске, кстати говоря, был обнаружен секретный документ штаба Третьей армии. Но Февральская революция спутала все карты. Двадцать восьмого февраля Митька Рубинштейн был освобождён из тюрьмы «восставшим народом», как писали газеты того времени.

Новоявленные демократы февраля решили поквитаться не только с царём, но и с его министрами и верными ему людьми. Поэтому восьмого апреля в Петрограде арестован был уже сам Батюшин.

Но глава разведки и контрразведки не был бы таковым, если бы не сумел бежать. В ноябре 1917-го после отъезда из революционного Петрограда Батюшин оказался в одном из городов Крыма, где работал простым почтовым служащим. Затем он вступил в ряды Добровольческой армии, но быстро понял, что у Белого движения нет никаких перспектив, а идеи большевиков овладевают широкими народными массами. Ему, яркому монархисту, человеку принципиальному, трудно было ужиться с такими, как Деникин, Алексеев, Врангель и другие либерально настроенные деятели Белого движения. И белые, в свою очередь, не любили монархистов, особенно тех, кто служил в жандармерии, тайной полиции, контрразведке. И ещё: профессионал Батюшин быстро выяснил, что поставками в Белую армию занимаются те же нечестные на руку люди, против которых несколько лет назад работала его комиссия.

И генерал-майор Батюшин принял непростое для себя решение эмигрировать в Югославию. Он эмигрировал, не дожидаясь разгрома Белой армии в Крыму. Из писем жены он знал, что сын его воюет в Красной армии. Разве мог он воевать против своих детей?

За границей Николай Степанович занимался общественной деятельностью и литературным трудом; в эмигрантских организациях не состоял. Он тайно переписывался с женой до 1937 года. Волна жесточайших репрессий и страх за судьбу родных и близких заставили прекратить переписку навсегда.

В 2004 году к 130-летию со дня рождения Батюшина его прах было решено перевезти в Россию и перезахоронить. Фонд помощи ветеранам и сотрудникам ФСБ дал деньги, зафрахтовал самолёт.

... Двадцатого октября 2004 года в Москве было холодно, накануне лил дождь. Но в аэропорту было немало журналистов, операторов с телекамерами. И конечно же, присутствовали родственники, среди которых были внук и правнук Николая Степановича.

Самолёт из Брюсселя приземлился с небольшим опозданием. Так по распоряжению Президента России специальным рейсом был доставлен прах Николая Степановича Батюшина. Почести русскому генералу от контрразведки отдали ветераны спецслужб и президентская рота Почётного караула.

* * *

Это продолжалось уже несколько месяцев. Вся Москва была в ловушках, западнях и засадах. Чекисты караулили его во всех значных местах: трактирах, притонах, «малинах»; устраивали засады в местах предполагаемых конспиративных квартир. Казалось, ещё немного – и Кошельков будет пойман. Но каждый раз он оказывался наглее, хитрее, изворотливее – и благополучно уходил.

... В прокуренном кабинете Ершова кроме него сидели Отман, Курбатов, Мальцев и ещё двое. Молчали, сказать было нечего. Неделю назад сотрудники ЧК, не имевшие отношения к их особой группе, чуть было не утёрли им нос, едва не взяв Яньку Кошелькова. А дело обстояло так. Они пришли арестовывать крупного спекулянта Миклашевского, а у того гостил сам Кошельков. Кошельков заметил подходящих к дому чекистов и через чёрный ход выбрался на улицу. Там он нос к носу столкнулся с двумя находящимися в засаде сотрудниками; в отличие от людей группы Ершова, эти двое не видели фото Кошелькова. Поэтому, когда перед ними внезапно появился представительный, хорошо одетый человек, они попросту растерялись. В отличие от Кошелькова, который в подобных ситуациях всегда проявлял незаурядное хладнокровие.

– Кто такие? – грозно накинулся он на молодых чекистов. – Кого ждёте? Предъявите документы!

– А вы... Вы кто? – спросил кто-то из них робко в ответ.

– Я – Петерс.

Молодые чекисты и Петерса не видели ни разу, но, конечно же, слышали, кто он такой. Поэтому тут же отдали документы. Кошельков на них бегло глянул, положил в карман. Потом спокойно достал свой маузер и пристрелил обоих. Документы забрал с собой.

И вот не далее как вчера Кошельков со своими поделчиками заявился в одну из воинских частей: чинно, представительно, на машине. Предъявив документы сотрудников ЧК, они хладнокровно расстреляли командира части, начальника караула и двоих часовых. После этого проникли на склад, забрали пистолеты, патроны, гранаты и даже захватили пулемёт.

... Люди из группы Ершова по-прежнему молча смотрели друг на друга; некурящий Сергей Генрихович морщился от табачного дыма. Наконец, Ершов прервал молчание:

– Держинский вне себя. Завтра ждёт меня и вас, – кивнул он на Отмана и Курбатова, – в десять ноль-ноль. Разговор будет суровый.

* * *

Свет настольной лампы падал в лицо сидевшей перед ним молодой женщине. Следователь Фельдман обычно начинал допрос с молчаливого изучения подозреваемого, в дальнейшем – приговорённого. «А ведь красивая, стерва», – подумал он, не сводя с женщины глаз. Потом пододвинул стул, на котором сидел, поближе к столу.

– Итак, приступим. Фамилия, имя, отчество?

– Савельева Анна Никаноровна.

- Возраст?
- Двадцать пять от роду.
- Место рождения?
- Здесь, в Москве родилась.
- Социальное происхождение?
- Это как?
- Из рабочих, крестьян, дворян, мещан, служащих?

Женщина слегка задумалась:

- Из мещан... вроде бы.
- Род занятий?

Она опять задумалась:

- Раньше на почте работала.

Фельдман ещё ближе подвинул стул.

- Это раньше... а сейчас?

Ей нечего было сказать. Фельдман приподнялся на стуле.

– Молчишь? Так я за тебя отвечу. Нынешнее твоё занятие – спекуляция и контрабанда; перепродажа ворованного с государственных складов. Знаешь, что за это бывает? Твоему Миклашевскому не отвертеться от расстрела. Хочешь вслед за ним, контра поганая?!

Он наблюдал за её испуганным лицом: «Нет, она в самом деле хороша. Сейчас бы с ней где-нибудь в другом месте... Неужели и её в расход?»

Между тем Анна разрыдалась:

- Да никакая я не контра... я с блатными имею дело.
- С кем именно?

Савельева пришла в себя.

- Я... я любовница Яньки Кошелькова.

Если бы в это время за окном раздался мощный взрыв, Фельдман и то бы не был так шокирован, как после услышанного. Пенсне самопроизвольно подскочило у него на носу:

- Что, что?!
- Я любовница известного бандита Кошелькова.

Следователь Фельдман резко поднялся, обошёл стол и, подойдя к Анне, склонился, опершись одной рукой на край стола.

- И ты это можешь доказать?
- Он сам любил повторять, что он – Кошельков. Он у меня не раз ночевал.
- Ха... этого мало.

Теперь уже Анна с каким-то тайным чувством превосходства посмотрела в лицо следователя:

- Если вы передадите меня из ЧК в уголовку, я вам сообщу такое...

Фельдман и сам был готов передать её в уголовный розыск, где бы ей светил срок, а не расстрел.

- Обещаю передать.

Анна Савельева выговорила не сразу, слишком уж непросто было произнести подобные слова:

– Он мне рассказывал, как чуть было... чуть было не убил Ленина. И этот... как его... пистолет показывал, который отнял у него.

* * *

Дзержинский срочно куда-то уехал, поэтому совещание проводил Петерс – его заместитель и одновременно глава московской ЧК. Кроме Ершова, Отмана и Курбатова присутство-

вали заместитель Петровского Вайнштейн и ещё один человек, с окладистой чёрной бородой, в строгом костюме-тройке.

Петерс нервно вышагивал взад-вперёд по кабинету.

– С момента покушения на товарища Ленина прошло пять месяцев, на дворе июнь. Деникин уже недалеко от Москвы. А они одного бандита ликвидировать не могут! Что это: саботаж? А я уж именно так начинаю думать...

При слове «саботаж» Петерс бросил недобрый взгляд на Сергея Генриховича. Тот понял, но взгляд выдержал.

Глава московской ЧК распалился не на шутку:

– Ведь до чего дошло: мало того, что этот Кошельков благополучно минует все засады, убивая направо и налево, так он ещё, используя документы сотрудников ЧК, взялся грабить воинские части!

Петерс слегка успокоился, сел за стол, перевёл взгляд на Ершова:

– Что скажете, Фёдор Фёдорович?

– Что сказать... я два раза писал рапорты с просьбой отправить меня на фронт...

Петерс стукнул кулаком по столу:

– Бежать? Это просто. Но кому нужно ваше малодушие? Поймите же: то, что произошло с товарищем Лениным, – это пощёчина всем нам! Не умеете работать – учитесь, – налил в стакан воды из графина, выпил и продолжил: – В общем, так: даём вам две недели на то, чтобы уничтожить этого Кошелькова. Две недели, только две недели. А не справитесь – разговор будет другой.

Последующие минуты казались бесконечными, никто не решался заговорить. Первым прервал молчание Вайнштейн:

– Послушайте, неужели у вас нет каких-то новых идей, кроме как устраивать засады?

Сергей Генрихович понял, что пора высказаться ему. Он поднялся, поправил пиджак. Ранее в Московском уголовном сыске всегда было принято докладывать стоя.

– Есть одна мысль.

– Какая?

– Мы арестовали по делу контрабандиста Миклашевского некую Анну Савельеву, которая заявила, что является любовницей Кошелькова. Я лично допросил её, и она сообщила, что Кошельков мечется, как затравленный зверь, и решил срочно убраться за кордон. Для этого ему нужна валюта. Золота и драгоценностей у него вдоволь, но ведь их надо ещё сбыть. А связей за рубежом у Кошелькова нет. Поэтому без валюты ему первое время не обойтись. Он два раза совершал налёты на валютчиков и оба раза оставался ни с чем. В первом случае сам чуть не получил пулю. А во втором его добыча составила лишь несколько тысяч немецких марок, которые в нынешней Германии, где сильнейшая инфляция, мало чего стоят, а значит, никому не нужны. Вот если бы франки... а ещё лучше – доллары. Поэтому без валюты первое время ему не обойтись.

– И какой же вывод? – спросил Петерс.

– А вывод такой, что можно сработать «на живца».

– Это как?

– Наш человек под видом иностранца интересуется... ну, например, произведениями искусства, предлагает за них те же самые доллары... франки...

Вайнштейн сразу парировал:

– Но это должен быть человек, которого, во-первых, в Москве никто не знает; во-вторых, он должен владеть хотя бы одним иностранным языком; а в-третьих, он должен иметь опыт подобной работы – идёт-то он к бандитам, а не к теще на блины. И где взять такого человека?

Отман молчал, понимая, что его идея пахнет утопией.

– Вы что-то хотите сказать, товарищ Юргенс? – обратился Петерс к человеку с бородкой, который до этого молчал.

– Я хочу сказать, что у меня есть такой человек.

* * *

– Ершов?.. Откуда ты взялся, ты же убит? – Алексей Балезин с неподдельным удивлением смотрел на однополчанина.

– Как видишь, живой, – улыбнулся тот.

Обнялись. Оба высокие: один светловолосый, другой чернявый, похожий на цыгана – они стояли друг против друга и не верили, что встретились. Поручик Балезин, до того как стать командиром пулемётной роты, командовал первым взводом, прапорщик Ершов – вторым. Три года назад в Карпатах при обстреле русских позиций австрийский снаряд прямым попаданием угодил в блиндаж. Все погибли. Но оказалось – не все. Прапорщик Ершов за пару минут до этого вышел по нужде. И остался жив. Но больше его никто не видел.

– Так ты, получается... – не договорил Алексей.

– Получается, что был ранен, но в полк не вернулся... можешь считать, дезертировал... я не боюсь этого слова. Я член РСДРП с тысяча девятьсот тринадцатого года и был направлен для работы в армии.

– Я догадывался...

– Знаю, что ты догадывался, особенно когда мою «Окопную правду» солдаты ненароком растащили на самокрутки. Спасибо, Алексей, что не донёс.

– Я русский офицер, а не доносчик.

– А я чист перед своей партией. Осуждаешь?

– Бог тебе судья.

– У нас, большевиков, Бог не в почёте. Впрочем, хватит о личном. Садись, перейдём к делу.

Ершов во всех деталях, подробно обрисовал обстановку, начиная с шестого января, то есть с происшествия с машиной Ленина. Закончил словами:

– Нам отпущен срок две недели. На тебя, Алексей, мы возлагаем большие надежды. Мне доложили, что после нашей пулемётной команды ты служил в контрразведке у Батюшина и многому научился. Но имей в виду: работа среди бандитов отличается от работы с вражескими агентами.

В это время в кабинет вошёл Курбатов.

– Знакомьтесь, мой заместитель Курбатов Пётр Иванович, начальник отдела Московского уголовного розыска.

Балезин и Курбатов пожали руки. Ершов продолжил:

– Для Москвы, Алексей, ты человек новый. Кроме нас с Петром Ивановичем и Юргенса, тебя никто не знает. Двух ребят для связи мы тебе дадим. И ещё, ты должен познакомиться с одним человеком. Сегодня же, он ждёт. Криминальный мир Москвы он знает, как никто другой. Его зовут Отман Сергей Генрихович.

Услышав это имя, Алексей замер.

– Что с тобой?

– Так, ничего, – замялся Балезин.

Фёдор взял листок бумаги, написал адрес и протянул Балезину. «Старославянский, 15, квартира 38», – прочитал тот и снова замер. Неужели случай в очередной раз вмешивается в его судьбу?

– Да что с тобой? – встревожился Ершов. – Ба! Да ты, наверное, голодный. Слушай, Петро, – кивнул он Курбатову, – сообрази кипяточку. У меня есть хлеб, немного сала и несколько леденцов. Пора отобедать.

В это время в кабинет вошёл Юргенс.

– Ну как, познакомились, разобрались?

– Да мы давно знакомы, – пояснил Фёдор.

– С окопов Австро-германской, – добавил Алексей.

* * *

Он шёл по Москве июня 1919 года. Вокруг уныло, неприглядно. Извозчики попадаются редко, трамваи почти не ходят, фонари перебиты, повсюду кучи мусора. Что Питер, что Москва – прошлая весёлая жизнь оторвалась и ухнула в пропасть безвозвратно. Неужели навсегда? Народу немного. Кто-то затаился дома, молится приходу белых; кто-то наоборот – дерёт глотку на заводских митингах, призывая красных бить Колчака и Деникина. Гражданская война – она у каждого своя.

Но Алексей Балезин думал не о войне. Утверждение, что его в Москве никто не знает, было неверным. Один человек знал, и этого человека звали Ольга Сергеевна – для него просто Оля.

... Это было в сентябре 1915-го. Он долечивался в одном из московских госпиталей. Сестёр милосердия не хватало, поэтому помогать приходили монахини, студентки, гимназистки и прочие добровольцы. Он хорошо помнил их первую встречу. Эту новенькую темно-волосую, с соболиными бровями, сестру милосердия он приметил сразу. Она зашла в их палату ставить уколы. Настроение у Алексея было хорошее: угроза ампутации левой руки миновала, рука заживала, и он решил немного подурачиться.

– Ой, больно! – вроде бы негромко вскрикнул он, когда игла шприца коснулась его ягодицы, но получилось достаточно звучно, на всю палату. Даже вечно спящий на соседней койке казачий есаул поднял голову и недовольно посмотрел на них.

Это ничуть не смутило новенькую. Она вколола ему всё, что полагалось, выпрямилась и с гордым видом произнесла:

– Зато приятно.

Когда она вышла, самый старший в палате ротмистр Кириллов, весь перебинтованный, но любитель побалагурить, заметил:

– А вы, поручик, пользуетесь успехом у женщин.

И он, Алексей Балезин, так считал – по крайней мере у одной, которую звали Ольгой. Познакомиться ему, в прошлом столичному студенту, не составляло труда. На территории госпиталя был небольшой скверик, и стоило Ольге присесть на одну из лавочек, как к ней тут же подсаживался рослый светловолосый больной с рукой, забинтованной по локоть.

... Дела Алексея шли на поправку. В тот день его раненая левая рука распрощалась с бинтами. А раз так – надо было действовать. Уговорив пожилого интенданта, Алексей под честное слово раздобыл на несколько часов свою военную форму и, как только Ольга вышла за территорию госпиталя, предстал перед ней во всех своих регалиях, в том числе и с Георгиевским крестом на груди.

– Ой, Алёша, вы? – от неожиданности она сделала шаг назад.

Ну разве могла она отказать бравому поручику проводить себя до дому? Стояла золотая осень, ласково светило уходящее к закату солнце. Листья клёнов и лип жёлтым ковром устилали дорожки, рдели рябины, и трудно было представить, что где-то далеко, в другом мире, рвутся снаряды, свистят пули, и каждый день гибнут люди.

О чём они говорили? Так, обо всём. Но получилось, что больше говорил Алексей, а Ольга в основном молчала. Что-то не располагало её к откровенности. Балезин узнал о ней совсем немного: что она коренная москвичка, единственная в семье, что отец её стоит, как она выразилась, на страже правосудия, а мама сильно болеет. Ещё он узнал, что работать в госпиталь она пошла вместе с подругой Таней добровольно, прервав учёбу в университете. Они прошли трёхмесячное обучение, выдержали экзамен и наряду с другими получили красный крест и аттестат на звание сестёр милосердия.

Когда они подошли к её дому в том самом Старославянском переулке и настало время прощаться, Ольга посмотрела в глаза Алексею. В свете лучей заходящего солнца он хорошо запомнил её лицо.

– Скажите, Алёша, – робко спросила она, – а на войне страшно?

Ну что он мог ответить? Сказать «да», так она и без него догадывается, что страшно, глядя на израненных, часто умирающих воинов из их госпиталя. Сказать «нет» – глупо, ведь не боятся только дураки. Ответ возник сам собой, и он не мог быть другим:

– Страшно, Оля. Но если кто-то ждёт тебя дома, то не очень.

Через день его должны были выписать. В мыслях у него было только одно: предстоящая прощальная встреча с Ольгой. Он хорошо всё продумал, взвесил. Он скажет ей всё, в том числе самое сокровенное. Если она будет его ждать, немецкие снаряды и австрийские пули ему не страшны.

День выдался не по-осеннему тёплым. А вот и она, стройная, худенькая, в крепдешиновом удлинённом платье малинового цвета, вязаной кофточке, шляпке... Бравый поручик Алексей Балезин робко шагнул навстречу той, что была ему дороже всех на свете...

Её спутника он заметил не сразу. И это неудивительно: его взор был направлен только на Ольгу.

– Знакомьтесь, – голос Ольги прозвучал как-то неуверенно. – Алексей Дмитриевич, – кивнула она на Балезина, а потом на того, кто её сопровождал, – Павел Петрович... мы помолвлены...

Тот, кого звали Павлом Петровичем, был человек лет сорока, среднего роста, полный, но при этом весьма приятной внешности. Взгляд его выражал спокойствие. За оградой госпиталя виднелся автомобиль, очевидно, он на нём приехал за Ольгой.

– Алёша, я хочу, чтобы вы вернулись живым, – помахала ему Ольга на прощанье.

Застывшим взглядом смотрел он вслед удаляющемуся автомобилю...

Алексей остановился. Находясь в плену воспоминаний, он, похоже, сбился с пути. Это неудивительно, он не думал о скорой встрече с бандитами – рисковать он привык, и в окопах, и в немецком тылу, где оставался для работы нелегалом. Более того, считал, что больше всех рискует тот, кто не рискует. Он думал только о предстоящей встрече с Ольгой. А может, встречи и не будет? Может, она с мужем и детьми уже уехала за границу?

Он достал листок бумаги, на котором Ершов набросал ему схему пути до Старославянского переулка. Поднял глаза на номер и название улицы, куда забрёл. Так и есть, ушёл немного не туда.

Изредка ходили трамваи, попадались извозчики. Но Алексей Балезин решил твёрдо: до Старославянского, 15 он дойдёт пешком.

* * *

Высокая массивная дверь, звонок-колокольчик... шаги за дверью. Вот щёлкнул замок, дверь открылась. На пороге стоял представительный мужчина лет пятидесяти. Алексей поздоровался и представился.

– Жду вас, жду, проходите, – Сергей Генрихович сделал шаг в сторону, пропуская гостя.

Их квартира чем-то напоминала Алексею квартиру тёти в Петербурге: просторные комнаты, высокие потолки, длинный коридор-прихожая. Да и двор был похож: тоже железная

ограда, лавочки в тени деревьев. Вот только чистота оставляла желать лучшего: видимо, дворники не мели или мели нерегулярно.

Сергей Генрихович провёл Алексея в кабинет, гостеприимно усадил в кресло, но прежде чем ввести в курс дела, попросил рассказать о себе. Балезин подробно остановился на всех этапах своей биографии, лишь о работе нелегалом упомянул вскользь. Но именно это Отмана и интересовало. Пришлось кое-что уточнить. Временами они переходили на немецкий и французский, и от этого их беседа только выигрывала.

Затем настал черёд показа фотографий и комментариев к ним, относительно Кошелькова и ближайших членов его банды. Прозвища, места отсидки, совершённые преступления, особые приметы и пристрастия налётчиков – с первого раза всё это было нелегко запомнить.

Прощаясь, Сергей Генрихович протянул небольшую книжицу.

– Что это? – спросил Алексей.

– Это своего рода самоучитель их жаргона, так называемой фени. Это вы должны знать. Я сам когда-то начинал с изучения этого, – пояснил Отман и усмехнулся. – А по-немецки и по-французски говорит только сам Кошельков, и то не всегда.

На следующий день они продолжили работу.

– Алексей Дмитриевич, – начал Отман, – я представил руководству свой план операции, и его утвердили. По легенде вы будете французским коммерсантом, коллекционером живописи. Вас должна интересовать любая западноевропейская живопись, и вы готовы за неё платить.

– Чем?

– Долларами. По нашим сведениям, Кошелькову нужны в первую очередь доллары.

– И доллары будут?

– За это не беспокойтесь.

– Гмм...

– Вас что-то смущает?

– Я плохой знаток живописи.

– Это поправимо. Сразу же от меня вы поедете к человеку, который вас просветит. Если дело дойдёт до встречи с Кошельковым и до продажи картин, он будет вашим сопровождающим и одновременно оценщиком. Вдвоём надёжнее. Зовут его Архангельский Борис Михайлович. Это наш человек. Что-то ещё?

Алексей был поражён проницательностью собеседника. Стоило на миг задуматься, как Отман безошибочно это улавливал.

– Да. Есть у меня некоторые сомнения. А вдруг на встречу Кошельков придёт не сам, а пошлёт кого-нибудь из ближайших дружков?

– Не думаю, – Сергей Генрихович покачал головой. – Мы арестовали его любовницу. Она проходит по делу, по которому ей светит расстрел. Поэтому не в её интересах врать. Так вот, она поклялась, что о желании Кошелькова уйти за кордон знают только двое: он и она. Больше он никому не доверяет. Так что, Алексей Дмитриевич, за долларами главный бандит Москвы пожелует сам.

– Логично... Но есть ещё вопрос: а зачем Кошелькову со мной встречаться? Может, проще установить за мной слежку и ограбить где-нибудь по дороге?

– А откуда он узнает, что деньги при вас? Вдруг вы перестраховались и оставили их в номере?

– Где-где?

– В номере гостиницы. Будете эти дни жить в «Метрополе», вы же гражданин Франции. Кстати, один из портье связан с блатными. Он должен обязательно известить своих о вашем приезде.

После Сергей Генрихович долго рассказывал Алексею о значных местах Москвы, особенно о знаменитом Хитровом рынке – Хитровке, где Кошельков регулярно бывает и чувствует себя как дома.

– Жаль, времени нет, а то бы много ещё рассказал о нашей Первопрестольной. Я ведь коренной москвич. Завтра в десять встречаемся у Ершова. Вам представят двух связников. А сейчас давайте за успех предстоящего дела выпьем по стакану чая. Есть возражения?

– Нет.

Пока Отман сутился на кухне, Алексей мучительно думал, как, под каким предлогом задать ему вопрос об Ольге. Конечно, она живёт с мужем где-то в другом месте, но, если не уехала за границу, должна навещать отца. Предположим, он такой вопрос задаст. Что дальше? Кто для неё, замужней женщины, он, Алексей Балезин? Знакомы-то были всего несколько дней, да и то четыре года назад.

В это время в прихожей прозвенел звонок. Хозяин квартиры пошёл открывать.

Голос у Сергея Генриховича был негромкий, но, несмотря на это, можно было разобрать всё, что он говорил:

– Ну наконец-то. Я уж подумал бог знает что... Ты же хотела приехать ещё позавчера.

– Прости, папа, не получилось. Знаешь, что сейчас делается на железной дороге.

Алексей вздрогнул. Этот голос он никогда бы не спутал ни с каким другим. Это был голос Ольги! Сердце учащённо билось. Сейчас она уйдёт куда-нибудь к себе, и они уже больше никогда не увидятся. Но случай, случай который раз на его стороне, и его нельзя упускать!

Алексей вышел в коридор прихожей. У дверей стояла Ольга. Они не виделись почти четыре года. Она заметно изменилась: печать чего-то тяжёлого, пережитого просматривалась в ней.

– Здравствуйте, Оля.

Несколько секунд она вглядывалась в него. Узнала.

– Здравствуйте, Алёша.

Сергей Генрихович удивлённо посмотрел на дочь, потом на Балезина.

– Вы что, знакомы?

Она молчала, Алексей тоже не ответил, но после небольшой паузы напомнил:

– Я выполнил ваше пожелание, Оля.

– Какое?

– Я вернулся живым.

– Очень рада за вас, – сказала Ольга и вдруг неожиданно переменяла тему. – Вы служите теперь большевикам?

– Я служу России... новой России.

Приступ удушья налетел неожиданно – резкий глубокий кашель Алексей был не в состоянии подавить.

– Что с вами? – спросила Ольга; отец и дочь с сочувствием смотрели на него.

– Так, ничего... последствие немецкой газовой атаки... – Алексей едва сдерживал кашель. – Прошу извинить...

Сергей Генрихович первым встрепенулся:

– Ну что ты стоишь, Ольга. Принеси человеку воды.

Когда он брал стакан с водой из её рук, незаметно посмотрел ей в глаза: они такие же, как раньше: тёмные, глубокие. Но в них печаль, это он понял сразу.

– Вам надо лечиться, Алёша, – тихо сказала Ольга, и её соболиные брови шевельнулись.

– Если вы готовы ставить мне уколы, как четыре года назад.

Но Ольга разговор не поддержала, лишь взяла назад пустой стакан.

– Извините, я очень устала.

Чуть позже, за чаем, Сергей Генрихович пояснил, что она только что вернулась из Ярославля, куда ездила повидать мать покойного мужа.

– А что случилось с мужем?

– Летом семнадцатого он как представитель банка братьев Рябушинских повёз подарки на фронт. Его сопровождал генерал Мазуровский и кто-то из офицеров. Они появились в разгар митинга против войны. Мазуровский попытался образумить митингующих. Озверелая солдатня, подогреваемая агитаторами, всех их исколола штыками... Когда Ольга узнала, у ней случились преждевременные роды. Она родила мёртвого ребёнка. Долго болела. И вот до сих пор не может прийти в себя.

... Стоял тёплый июньский вечер. Алексей Балезин вышел из подъезда, по привычке закурил, но тут же, образумившись, выбросил папиросу – кашель снова подступил к горлу. Нет, не такой он представлял встречу с Ольгой. А может, лучше, если бы этой встречи вообще не было?

* * *

С момента его ликвидации прошли десятки лет, и сейчас никто не может точно сказать, где он располагался. Примерно – в районе нынешней московской Солянки. Наш выдающийся писатель В. А. Гиляровский писал о нём так: «Лондон мне всегда представлялся самым туманным местом в Европе, а Хитров рынок, несомненно, самым туманным местом в Москве. Большая площадь в центре столицы, близ реки Яузы, окружённая облупленными каменными домами, лежит в низине, в которую спускаются, как ручьи в болото, несколько переулков. Она всегда курится. Особенно к вечеру. Двух- и трёхэтажные дома вокруг площади все полны ночлежками, в которых ночевало и ютилось до десяти тысяч человек. Эти дома приносили огромный барыши домовладельцам. Дома, где помещались ночлежки, назывались по фамилии владельцев: Бунина, Румянцева, Степанова (потом Ярошенко) и Ромейко (потом Кулакова), а сам Хитров рынок звали так по фамилии владельца земли генерала Хитрово. В доме Румянцева были два трактира – “Пересыльный” и “Сибирь”, а в доме Ярошенко – “Каторга”. В “Пересыльном” собирались бездомники, нищие и барышники, в “Сибири” – степенью выше – воры, карманники и крупные скупщики краденого, а выше всех была “Каторга” – притон буйного и пьяного разврата, биржа воров и беглых».

На Хитровке, которую упрощённо именовали Хива, воровали всё, что только можно, в любой час дня и ночи. Здесь были свои неписанные законы, а всем Хитровым рынком заправляли двое городских: Рудников и Лохматкин. Только их пудовых кулаков действительно боялась ишпана, а «деловые ребята» были с обоими представителями власти в дружбе.

Иногда случались обыски и облавы, но обычно это делали только для видимости.

Что изменилось на Хитровке после революций 1917 года? Всесильных городских уже не было, вместо них существовало бандитское самоуправление. Впрочем, предоставим слово советским писателям Безуглову и Кларову: «Особенно забурлила жизнь на Хитровке после Февральской революции, когда Временное правительство объявило всеобщую амнистию. Только из московских тюрем было выпущено более трёх тысяч опасных преступников. Они не имели ни денег, ни одежды, их трудоустройством никто не интересовался. И амнистированные занялись своим привычным ремеслом. За первую половину 1917 года в Москве число опасных преступлений увеличилось в 4 раза. К июню в городе действовало уже более 30 крупных банд.

Сразу же после Октябрьской революции советская власть вплотную занялась Хитровкой. Здесь изъяли значительную часть спиртных напитков, арестовали многих скупщиков краденого, закрыли игорные притоны. На Хитров рынок были направлены рабочие агитаторы, которые призывали жителей Хивы кончать со старой жизнью, обещая им помощь.

Всё это, разумеется, не могло не дать результатов, но Хитровка по-прежнему оставалась центром преступного мира Москвы».

Есть ещё одно существенное дополнение ко всему сказанному выше: в первые послереволюционные годы некоронованным королём Хитровки, да и всей бандитской Москвы стал Яков Кошельков.

* * *

И вот в один из июньских дней среди обитателей и посетителей Хитрова рынка появился статный светловолосый человек, одетый в полувоенную форму. Тёмно-зелёный френч с крупными накладными карманами, такого же цвета бриджи и начищенные до блеска сапоги говорили о том, что форма не наша, не российская, а её обладатель – иностранец. И по манере поведения было видно, что это человек, как говорят, из-за бугра. Высокий и широкоплечий, он сторонился, галантно уступая дорогу встречным торговцам и торговкам, а при столкновении с кем-либо из посетителей едва заметно склонял голову, сопровождая традиционным французским: «Пардон... пардон...» Ему отвечали руганью, в лучшем случае – молчанием. И недовольным взглядом. Вежливость на Хитровке в почёте не была.

«Иностранец», а это был Алексей Балезин, потолкался так с полчаса, привлекая к себе внимание, показывая своим поведением, что товара, интересующего его, здесь нет. Он успел заметить двух мазуриков, ходивших за ним по пятам и пристально следивших за ним, сделал незаметный знак своему связному, молодому парню в рабочей робе, у которого всегда из-под старенького картуза высывались угольно-чёрные цыганские кудри, и пошёл на выход, в сторону ближайших антикварных лавок. О своей личности обитателям Хитровки он заявил.

Потянуло курить. Алексей достал золочёный портсигар, вынул папиросу...

– Дядь, дай закурить...

Балезин обернулся. На него смотрело интересное существо. Небольшого роста, худощавый, с веснушчатым носом, парень казался совсем юношей, лет шестнадцати-семнадцати. Вот только тяжёлый нагловатый взгляд говорил о том, что ему от роду отнюдь не семнадцать, а много больше. И ещё: у него были некрасивые редкие зубы, а на левой щеке выделялся шрам. Впрочем, шрамами как результатом частых поножовщин были отмечены многие обитатели Хитровки.

Согласно легенде, Балезин должен был появиться в Москве как французский гражданин, у которого отец француз, а мать русская. И говорить он должен был и по-французски, и по-русски, причём чисто, как многие из дворянских семей. Но сейчас перед этим хитровским жиганом Алексей решил немного покуражиться, ведь ещё в гимназии он состоял в драмкружке, участвовал в постановках. – Что есть такое закурить?

На ломаном русском приходилось иногда говорить в оккупированных немцами Риге и Варшаве, где он по заданию Батюшина работал нелегалом.

В ответ парень слегка раздвинул указательный и средний пальцы на руке и несколько раз поднёс к губам. Взгляд его стал ещё более наглым. Алексей снова достал и раскрыл портсигар. Одну папиросу парень заложил за ухо, вторую вставил в рот. Балезин щёлкнул французской зажигалкой.

– Благодарствую, – буркнул незнакомец и исчез в толпе. Балезин не успел даже посмотреть ему вслед. Если бы он знал, какую зловещую роль и не однажды сыграет в его судьбе этот малорослый тип.

* * *

До войны антикварных лавок в Москве было великое множество. В условиях Гражданской войны и разрухи остались единицы. В одну из таких лавок близ Хитровки и заглянул Алексей Балезин, он же «подданный Франции» господин Дюваль. Хозяин лавки, немолодой толстяк в потёртом костюме-тройке неопределённого цвета, встретил его слащавой улыбкой:

– Чем могу служить?

Алексей, как и намечал заранее, заговорил по-французски. Но, видя, что собеседник не понимает, перешёл на русский. – Меня интересуют произведения искусства.

– А что именно?

– Живопись, желательно западноевропейская.

Толстяк развёл руками:

– Что вы, что вы... Это вам не Париж, это Москва. Даже пять-шесть лет назад при Николае Александровиче такой товар можно было приобрести только на аукционах.

Балезин-Дюваль неторопливо осмотрел содержимое лавки. Потом спросил:

– И как же мне попасть на такой аукцион?

Хозяин лавки замахал руками:

– Помилуйте, какие аукционы могут быть в Москве тысяча девятьсот девятнадцатого года... Лучше возьмите сервиз на двенадцать персон – стоящая вещь: дрезденский фарфор, восемнадцатый век. Ещё могу предложить голландские подсвечники с позолотой. Или хрустальные бокалы для шампанского на четыре персоны. Хотите взглянуть?

В ответ Алексей слегка улыбнулся и покачал головой.

– Напрасно, напрасно, – не унимался толстяк. – Сейчас всё национализируют. Книжные лавки уже собственность Московского совета. Торопитесь, скоро и до меня очередь дойдёт. Могу скинуть процентов этак двадцать.

Балезин-Дюваль с видом разочаровавшегося ценителя искусства направился к выходу. Толстяк окликнул его и с завидным проворством встал на пути. Лицо хозяина лавки из приветливо-слащавого стало серьёзным.

– Что у вас есть?

– Не понял... ах, да... а вы что хотите: доллары, франки?

У толстяка загорелись глаза:

– Где вас найти?

Алексей назвал номер в гостинице «Метрополь». Но имени своего не назвал.

... Через час он устало опустился в кресло в своём номере. Снял сапоги, вытянул ноги и... задремал.

Его разбудил осторожный стук в дверь. Неужели толстяк? Что-то быстро. Балезин открыл. На пороге стоял бородатый господин среднего роста, в очках, в светлой парусиновой толстовке и такого же цвета шляпе.

– Вам кого?

– Господина Дюваля. Войти можно?

Только сейчас по голосу Алексей узнал, что стоящий перед ним человек не кто иной, как Сергей Генрихович.

– Преклоняюсь перед вашим искусством перевоплощения, – уважительно, с улыбкой произнёс Алексей, закрыв дверь.

– Спасибо, но восторги после, – Отман тоже устало присел в кресло напротив, снял шляпу, очки, отклеил бороду. – Время не ждёт, давайте сразу к делу.

Балезин подробно рассказал обо всём увиденном за день. Отман внимательно слушал. Потом стал комментировать:

– Те два, что за вами следили на Хитровке, это так называемые смотрящие. Они докладывают Кошелькову обо всём интересном, что происходит на рынке и вокруг.

– Так может, организовать за ними слежку и выйти таким образом на Кошелькова? – прервал Отмана Балезин.

Тот улыбнулся:

– Дорогой Алексей Дмитриевич, конспирация существует не только там, где вы служили, я имею в виду разведку и контрразведку. Бандитские главари уровня Кошелькова тоже отличные конспираторы. Поэтому «смотрящие» передают информацию не лично Яньке, а двум-трём его ближайшим друзьям. Где и когда? Попробуй уследи: Хитровка пестра и многолюдна. А вот те уже докладывают самому Кошелькову. И у Кошелькова здесь, на Хитровке – Хиве – таких «смотрящих»-информаторов с десятков, а то и более. Если кто-то один что-нибудь скроет или, наоборот, будет «гнать туфту»... я имею в виду сообщать то, чего не было, это сразу обнаружится. Словом, информация самая достоверная.

Сергей Генрихович замолчал, виновато посмотрел на Алексея, как бы прося прощения за то, что взялся поучать взрослого, прошедшего войну человека, да ещё к тому же служившего в контрразведке. Потом продолжил:

– Но не расстраивайтесь. Сегодняшний день, ваш первый день работы на живца, можно считать удачным.

– Серьёзно?

– Да, да. Дело в том, что хозяин лавки, некто Вербицкий Тимофей Владиславович, по прозвищу Тимка-Хорёк, – известный вор, аферист и скупщик краденого. Специализируется на антиквариате. Вышел на свободу после февральских событий семнадцатого. И, что очень важно, несколько лет назад проходил по делу и был осуждён вместе с отцом Кошелькова.

– Что, и папаша тоже?

– Тоже, из блатных. Вот потому-то Янька ему и доверяет. А в деле купли-продажи произведений живописи нужен помощник, хорошо в этом разбирающийся. Так что мы на верном пути. Только предостерегаю, не суйтесь больше в лавку. Вербицкий не дурак и очень осторожен. Если надо, он вас сам найдёт.

Балезин молча согласился. И вдруг вспомнил:

– Ну а этот, что у меня стрельнул закурить?

Отман пожал плечами:

– Чёрт его знает. Первый раз вижу. Похоже, из жиганов.

– Карманник?

– Как раз нет. Жиганы – это новое явление в преступном мире. Это те, кто не умеет воровать и промышляет мелкими грабежами. До семнадцатого года их почти не было.

Перед тем как проститься, Алексей хотел спросить об Ольге, но не решился.

* * *

Спустя несколько часов, когда на Москву опустилась ночь, в одном из частных домов на окраине тоже происходил разговор.

– Так, говоришь, живопись, западноевропейская? – прищурился Кошельков, в упор глядя на собеседника. – И валютой готов платить?

Вербицкий утвердительно кивнул.

– Как его?

– Серж Дюваль, француз, коммерсант.

– От Седого узнал?

– От него.

Седой, пожилого возраста представительный мужчина лет шестидесяти, получил такое прозвище за красивую седую шевелюру. Ещё в царские времена он слыл наводчиком, служа в богатых домах, гостиницах, домах свиданий. Ныне обосновался в «Метрополе» в качестве портё. Седой давно был связан с бандой Кошелькова и информировал её обо всех поселившихся в «Метрополе» и представлявших для бандитов интерес.

– А вдруг мусор? – сверкнул глазами Кошельков.

– Ну, Янь, сам понимаешь: стопроцентную гарантию давал только ювелир Меерсон, рассматривая камушки. Впрочем, суди сам: откуда в нынешней уголовке возьмутся филёры, калякающие на французском? Там сейчас рабочие мужички да матросня. Это тебе не Путилин и не Кошко.

– А если он из Чеки? – усмехнулся Кошельков, с презрением выговорив последнее слово.

– Да там такие же, только ими баламуты-большевики руководят. Устраивать шмоны, облавы, расстрелы всякие они научились. А вот закидывать своих к нам – кишка тонка.

Хоть Янька Кошельков и слыл бандитом, но в его натуре иногда появлялось что-то поэтическое. И дело не только в том, что он любил поэзию. Он мог неожиданно для всех замолчать, задуматься, отключиться от всего вокруг. Так было той морозной Рождественской ночью шестого января, когда он, глядя в чёрное звёздное небо, решал: выстрелить или нет. Так было и сейчас, когда после упоминания Вербицким о Путилине и Кошко на него нагрянули воспоминания. С Путилиным ему встретиться не довелось, тот питерский, да и работал два десятка лет назад. А вот с главой московской уголовки Аркадием Кошко столкнуться пришлось, и не раз. Как и с его лучшим сыскарем Отманом. И всё время ему, Кошелькову, карта ложилась не в масть. Много, много кровушки попортил ему Аркаша Кошко...

– Ты прав, Кошко серьёзный хват, – вздохнул Янька, прервав воспоминания. – Где он сейчас, не знаешь?

Вербицкий пожал плечами, не ручаясь за точность своих слов:

– Ходят слухи, в Крыму он, у беляков.

– Чем занят?

– Чем он может быть занят: как и в Москве, ловит таких, как мы. Кошельков опять задумался. Его обложили со всех сторон, кольцо сжимается. Несколько раз он уходил лишь чудом. Конечно, этим мужичкам и матросикам до Кошко далековато, но работают они всё лучше и лучше. Пора, пора двигать за кордон! Сейчас бы в Крым, а оттуда махнуть на пароходе в Европу, во Францию.

А может, ещё дальше, в Америку? Но для этого нужны франки, нужны доллары – валюта. Да и с Кошко неплохо было бы встретиться в Крыму и рассчитаться по долгам.

О желании Кошелькова уйти за кордон знала только его любовница Анна Савельева, ныне арестованная. С ней он и хотел туда двинуть. Но в произведениях искусства Янька ни черта не смыслил, тут нужен был помощник. Выбор пал на Вербицкого, который слыл своим среди блатных и хорошо разбирался в живописи. Правда, Вербицкий – Хорёк – тёртый калач, и, если речь зайдёт о валюте, он быстро поймёт, зачем она ему, Кошелькову, нужна. Что ж, пусть будет так, без помощника в таком деле трудно.

– Ты что, Янь, спишь?

Кошельков очнулся, встал.

– Ладно, поверим. Но с этого французика не спускай глаз. Я дам тебе в помощь двух молодцев. – И неожиданно схватил Вербицкого за ворот пиджака. – Но, смотри, Хорёк, вздумает один взять то, что на кону... без меня... Из-под земли найду и на ремни порежу, чтоб громче пел!

– Ну что ты, Янь...

– И никому ни слова. Никому!

– Могила!

– Насчёт товара мои заботы. Твоё дело – француз.

Вербицкий понимающе кивнул.

– Замётано... Я могу рассчитывать на двадцать процентов?

– Что-о-о?

– Пятнадцать?

В тусклом свете керосиновой лампы лицо главного бандита Москвы казалось восковым.

– Десять – и благодари меня! – жёстко процедил он. – Всё, пора, ноги рисуем.

* * *

Аркадий Францевич Кошко действительно попортил много крови представителям преступного мира, не одному Яньке Кошелькову. Это была уникальная личность – самородок, как говорят в таких случаях. Начинал он в Риге инспектором сыскной полиции. Вскоре его стали узнавать на улицах. Тогда Кошко, выслеживая преступников, стал переодеваться то приказчиком, то извозчиком и приклеивать фальшивые бороду и усы.

Когда он возглавил сыскную полицию Москвы, то стал каждый месяц требовать от участковых надзирателей подробного доклада: сколько убийств, грабежей и краж совершено на участке. По этим данным строили графики преступности в городе. Над ним многие тайком смеялись: разве по картинкам поймаешь воров? Но Кошко верил в своё дело. По «картинкам» было видно, где стало больше краж и ограблений. Это означало, что на участке появилась банда преступников. Кошко направлял туда сыщиков из дежурного отряда – своего личного резерва. Через месяц бандиты сидели в тюрьме, а линия преступности на «картинках» шла вниз.

В начале XX века в Москве воровали много и часто. Помимо местных преступников, на праздники съезжались и «гастролёры». В 1908 году только за один день перед Рождеством в городе произошло более тысячи краж! Кошко решил, что с этим пора кончать. Ночевали «гастролёры», как правило, на Хитровке. Поэтому Хитровка стала главным объектом предстоящей операции.

Это была облава невиданного масштаба. Полиция и раньше устраивала проверки в ночлежках, но самые опытные уголовники узнавали о них заранее и успевали скрыться. А причина была простая: если в облаве сотня-две полицейских и об этом известно накануне: за день, за два, то хоть один да проболтается или будет подкуплен. А Кошко сохранял операцию в тайне не до последних дней, а до последних минут. И участвовали в ней не сотня, а более тысячи полицейских, тайно расположившихся в одном просторном особняке и не ведавших, куда их на ночь глядя поведут.

Успех был впечатляющий! До утра к зданию сыскной полиции подъезжали пролётки извозчиков с задержанными «гастролёрами» и местными преступниками, находившимися в розыске.

Кошко понимал, что без быстрой и надёжной идентификации преступника не может быть успешной работы. В этом отношении Россия не отставала от таких передовых в области криминалистики стран, как Англия и Франция. По методу Кошко в учётную карточку, заводимую на каждого преступника, вносили такие данные, как длина лица, ширина головы, размеры ладоней и, конечно же, отпечатки пальцев – дактилоскопия в российском сыске была на высоте. В результате в 1913 году Международный съезд криминалистов в Швейцарии признал московскую полицию лучшей в мире по раскрываемости преступлений. А два года спустя Аркадий Кошко был назначен руководителем Восьмого делопроизводства Департамента полиции – главным сыщиком России.

Ни Февральскую, ни Октябрьскую революции 1917 года Аркадий Францевич Кошко не принял. Особенно возненавидел Февральскую, когда на площадях кипели митинги, а Временное

правительство упразднило полицию. Началась настоящая охота на городских. Издали заведов полицейского, рабочие, солдаты, гимназисты, лавочники бросались в погоню. Полицейских избивали порой до смерти.

Не успела революционная братия нарадоваться победам над стражами порядка, как в городах стали гаснуть уличные фонари: из керосиновых фонарей кто-то воровал керосин, газовые и электрические просто разбивали. По тёмным улицам шатались толпы уголовников в пальто и шубах с чужого плеча. Выпустить всех уголовников распорядился сам Керенский. Но они не только грабили и убивали, они ещё с остервенением принялись громить полицейские участки и суды, жгли архивы и всё, что попадалось под руку.

К осени ненавистного городского будут вспоминать с сожалением. Но грянет новая революция. В отличие от Временного правительства, большевики борьбу с преступностью поведут, но без классово чуждых буржуазных спецов. Правда, будут исключения.

В 1918 году Аркадий Кошко окажется в белом Крыму. Будет, как и раньше, ловить бандитов и воров. Потом вместе с войсками Врангеля уйдёт за границу. Умрёт в 1928 году в Париже, обедневший и забытый, но оставивший после себя воспоминания.

... Тяжёлые наступали времена. Уехал Кошко, эмигрировал Батюшин, как и многие другие. Россия теряла лучших профессионалов. На их место приходили другие, неопытные. Учились работать старательно, на совесть. Но потери были велики.

* * *

Москва июня 1919 года внешне значительно проигрывала Москве 1913-го. Шикарные магазины, рестораны, клубы, освещённые гирляндами лунные парки и кафешиантаны, блестящие экипажи, а вместе с ними весёлые толпы с улиц и площадей, нарядные женщины, галантные офицеры, празднично прогуливающиеся поэты, артисты, чиновники и государственные деятели – казалось, всё это ушло в прошлое и навсегда. Взамен же разбитые фонари и витрины, редкие грязные трамваи, неулыбчивые прохожие, остерегающиеся входить в тёмные проулки и подворотни, очереди за хлебом. И в противовес всему этому – шагающие строем решительные люди с винтовками и красными звёздами на фуражках.

Но было бы неправильно считать, что культурная жизнь в Первопрестольной совсем остановилась. Девятнадцатого января 1919 года в одном из жилых домов на Новой Басманной улице торжественно открылась Московская центральная публичная библиотека. Есенин и Маяковский по-прежнему собирали массу поклонников, читая свои стихи. Таиров и Мейерхольд ставили спектакли. А во Дворце искусств в июне 1919 года открылась первая выставка картин, рисунков и скульптуры. На выставке были представлены 218 экспонатов, участвовало 42 художника и скульптора, среди которых были такие известные личности, как Коненков.

В один из дней среди посетителей выставки можно было видеть высокого светловолосого человека в полувоенной форме. Со стороны он казался незаурядным ценителем живописи. У одних картин он подолгу стоял, часто делая пару шагов назад, на середину зала, чтобы лучше их рассмотреть. У других экспонатов вообще не останавливался, проходил мимо, не замечая. Иногда он что-то спрашивал у чинно стоящего зрителя зала и понимающе кивал в ответ, делая записи в маленьком блокноте. В одном из залов он долго о чём-то беседовал на французском с пожилым бородатым господином, очевидно художником.

Человек в полувоенной форме незаметно приглядывался ко всему вокруг, и за ним тоже приглядывали, и Алексею Балезину – а это был он – не составило труда опознать в следовавшем за ним из зала в зал господине Вербицкого – Хорька. В последнем зале перед самым выходом Вербицкий сам подошёл к Алексею.

– Господин Дюваль? Как видите, мир тесен.

«Вот ты и попался. Откуда ты знаешь моё имя? Я тебе не представлялся», – с оттенком злорадства подумал Балезин, но виду не подал. И только слегка кивнул в ответ.

– Вы, я вижу, серьёзно интересуетесь живописью? – продолжал Вербицкий.

Балезин-Дюваль разочарованно вздохнул:

– Экспонаты, бесспорно, интересные, но... вы знаете, что мне надо. А этого нет.

– В таком случае, должен вас обрадовать: то, что вам надо, я нашёл. Я имею в виду западноевропейскую живопись.

Алексей явно не ожидал такого поворота событий.

– Вот как? Уже нашли? Что ж, похвально... И когда я могу на неё взглянуть?

– Да хоть сейчас.

– Здесь?

Слащавая улыбка так и светилась на лице Вербицкого:

– Ну что вы... Мы поедem с вами в мою, не закрытую пока ещё совдепией лавку.

Мысль работала быстро и чётко. Алексей понимал: если он откажется и попросит Вербицкого отложить визит в его лавку, к примеру, на вечер, то это вызовет подозрение.

А интуиция подсказывала: вариант «на живца» удался, на подходе крупная рыба.

Они вышли на улицу, и буквально тут же подкатил извозчик, столь редкий для Москвы 1919 года. Лошадьми управлял здоровенный детина в помятой кепке. Теперь Балезин уже окончательно убедился: всё заранее подготовлено, его ждали.

От Дворца искусств до Хитровки, вблизи которой находилась лавка Вербицкого, было недалеко, и вскоре хозяин лавки, провернув несколько раз замысловатой формы ключ, открывал входную дверь. – Прошу...

Алексей шагнул внутрь знакомого уже помещения, куда плохо проникал дневной свет и в котором пахло воском и ещё каким-то смрадом.

– Подождите пару минут, я сейчас, – Вербицкий исчез где-то в глубине лавки.

Наступила тишина. Прошла минута, две... Работая в контрразведке у Батюшина, Алексей научился интуитивно чувствовать ситуацию, когда у него кто-то за спиной. Нет, не толстяк Вербицкий, он исчез в другом направлении. Тут за спиной кто-то ещё. И он не ошибся. – Интересуетесь картинами?

Балезин вздрогнул, резко повернулся и отпрянул назад. В создавшейся ситуации это было правильно: так поступил бы настоящий коммерсант-француз, а не бывший контрразведчик с железными нервами. Тем более что из-за спины говорили по-французски.

В это время вернувшийся в помещение Вербицкий включил свет. Это лицо Алексей хорошо запомнил из фотографий в картотеке Отмана. Перед ним стоял сам Яков Кошельков!

– Простите, с кем имею честь? – так же по-французски вопросом на вопрос ответил Алексей.

Кошельков был на взводе. То, что его обложили со всех сторон, – это ещё полбеда, к такому он привык. А вот исчезновение его любовницы Анны Савельевой приводило его в ярость. А вдруг она в уголке или, того хуже, в ЧК? Он зверел, стрелял направо и налево, но желание уйти за кордон, имея в кармане валюту, было очень велико. Поэтому перед Балезиным-Дювалем он предстал с виду спокойным.

– Кульков Яков Петрович, – представился Янька. – До семнадцатого года коммерсант.

– Дюваль... Серж. Тоже коммерсант, но после семнадцатого.

– И что явилось этому причиной?

– Под Верденом хлебнул газу. Списали.

По-французски Кошельков говорил неплохо. Балезин же говорил свободно, хотя и с некоторым акцентом. Впрочем, кто мог сейчас оценить французский выговор в этой пропахшей воском лавке?

Присели. Кошельков развалился в кресле и не спускал глаз с Алексея. За спиной бандита стоял Вербицкий. Выражение лица его из слащавого превратилось в настороженно-серьёзное. Возникла пауза. Балезин оценивал ситуацию. Группе, в которую он вошёл, поставлена задача ликвидировать бандита Кошелькова. Это значит, что он может выхватить из внутреннего кармана френча миниатюрный браунинг и без зазрения совести всадить несколько пуль в того, кого боится вся Москва. Вот только успеет ли? Кошельков не такой простак, чтобы прийти одному. Наверняка его подельник, а может быть и два, держат под прицелом его, Алексея, спину. Нет, такой вариант развития событий отменяется.

– Деньги при вас? – вдруг по-русски спросил Кошельков.

– Ну что вы, по нынешней Москве ходить с долларами и франками опасно, – так же по-русски ответил Балезин, естественно с некоторым акцентом.

– Вы думаете, нынешняя Москва знает, что такое доллары? – усмехнулся Кошельков и вдруг загадочно прищурился. – Так вы русский или француз?

– У меня мать русская, отец француз. Я гражданин Франции, но часто бывал в России.

– Живёте в Париже?

– В Лионе. Собираю экспонаты для одного частного музея.

– И только западноевропейскую живопись?

– Такие мне поставлены условия.

– В Москве давно?

Балезин, не ответив, поднялся.

– Послушайте, господин Кульков. Не кажется ли вам, что наша деловая встреча превращается в допрос? – резко выговорил он, снова перейдя на французский. – Может, вам ещё доложить, на какой улице я живу, в каком полку служил, кто моя любовница... Если хотите, вот мой паспорт.

Отман, разрабатывая легенду для Балезина, предусмотрел и ситуацию с гражданством. Паспорт на имя Сержа Дюваля был в полном порядке.

– Сядьте, не кипятитесь, – Янька сделал успокаивающий взмах рукой вниз и полез за пазуху. Алексей внутренне напрягся. Если Кошельков не поверил, ему ничего не стоит выхватить револьвер и всадить в него несколько пуль. Но тот вынул не револьвер, а сложенный вчетверо лист бумаги:

– Всё, что могу вам предложить.

Список картин и рисунков был немалый, но для настоящего ценителя искусств, за которого выдавал себя Балезин, ценность представляли только две малоизвестные картины раннего Коро и небольшой портрет, написанный Сезанном. Ничего больше из работ всемирно известных мастеров Янька Кошельков награть не успел. На них и указал Балезин-Дюваль:

– Вот эти готов купить.

Кошельков не стал протестовать против такой на первый взгляд незначительной сделки. Хвалить же свой товар он не умел, поскольку в живописи ни черта не понимал. Он жаждал только одного – убедиться, что у этого француза есть валюта. А если это так, то завтра он, гроза Москвы, может совершить налёт хоть на Третьяковку.

– Хорошо, я готов продать, – сказал он и вдруг испытующе посмотрел в лицо Алексею. – А может, вам добавить что-нибудь ещё: золото, бриллианты?

Балезин театрально замахал руками:

– Что вы, что вы... Золото, драгоценности везти через границу? Я ещё в своём уме. А вот холсты, спрятанные в подкладе чемодана, подозрение не вызовут.

Кошельков понимающе кивнул. Потом поднялся.

– Замётано...

– Что-что?

– Я хотел сказать, решено. Правда, есть одно обстоятельство. Я вечером уезжаю, поэтому жду вас через час с деньгами здесь же.

Вот это новость! Дело принимало неожиданный оборот.

– Через час? Боюсь, что не успею, – развёл руками Алексей.

– У господина Вербицкого, – Янька кивнул на толстяка и впервые за время разговора усмехнулся, – своя карета. За час извозчик доставит вас к «Метрополю» и обратно.

«А эти мерзавцы неплохо работают», – мелькнуло в голове у Алексея. Он поднялся. Отказ означал провал. Ничего не оставалось, как принять правила игры, предложенные противником. Но он держал себя в руках и внешне выглядел спокойным, даже повеселевшим.

– Прекрасно, поехали. Только придётся заглянуть ещё в одно место.

– Это ещё куда? – насторожился Янька.

– К моему оценщику.

– Это обязательно?

Балезин и Кошельков стояли друг против друга. Кошельков был выше среднего роста, но ниже высокого Алексея. Балезин хорошо усвоил, что в подобных ситуациях важно перехватить инициативу.

– Послушайте, как вас...

– Господин Кульков.

– Послушайте, господин Кульков, – повысил голос Балезин. Я коммерсант и не всегда могу отличить оригинал от копии. Это делать должен профессионал.

– Ладно. И где искать вашего оценщика?

– Он живёт в одном из переулков Замоскворечья. В настоящее время не работает, уволен новой властью.

– А если его нет дома?

– Он будет дома. Мы договорились, что сегодня после просмотра выставки я зайду к нему.

Всё сказанное выглядело логично, и подозрительный Кошельков согласился:

– Замётано. Добавим ещё по времени... – он достал из кармана золотые часы, при открывании крышки которых раздался мелодичный перезвон. – Я жду вас не в пять, а... без четверти шесть. Здесь.

* * *

Балезин и Вербицкий вышли на улицу. Вербицкий предусмотрительно выходил за Алексеем, а поэтому успел обменяться взглядом с Кошельковым. Суровое лицо первого бандита Москвы напоминало: «Не спускай с него глаз». Выйдя, Вербицкий закрыл лавку на ключ. Тут же подъехал экипаж, которым управлял тот же самый здоровенный детина в помятой кепке. На Алексея он бросил недобрый взгляд.

– Карета подана, прошу, – Вербицкий был сама любезность.

– А вы что, со мной? – удивился Балезин, когда владелец лавки грузно опустился на сиденье рядом с ним.

Тот в ответ загадочно прошептал:

– Если по секрету: у меня в «Метрополе» зазноба. Классная краля, скажу я вам. Поэтому пока вы будете решать свои дела, я с ней пообщаюсь.

«Чёрт возьми, да они обложили меня со всех сторон!» – Балезин почувствовал, что начинает нервничать. Правда, в Риге и Варшаве было ничуть не легче, но там против него работали немецкие контрразведчики, и к борьбе с ними он был готов. А здесь, в Москве, – обыкновенные бандиты... и перевес пока на их стороне.

– Пшёл! – гаркнул на извозчика Вербицкий. И в этот момент на другой стороне улочки Алексей увидел не спеша идущего бородастого человека в парусиновой толстовке. «Отман! Ну слава богу!» – едва не воскликнул он.

В парадное «Метрополя», который с начала 1919 года снова стал гостиницей, они вошли вместе с Вербицким. Тотчас перед ними возник рослый пожилой портё с пышной седой шевелюрой. Алексей не мог не заметить, как они с Вербицким обменялись взглядами.

– Покидаю вас, – Вербицкий вопросительно глянул на Алексея. – Встретимся через?..

– ... через двадцать минут.

– Что так долго?

– Я должен не только пересчитать деньги, но и сменить рубашку. В Москве жарко, и я весь употел. К себе не приглашаю, но в другой раз обещаю рюмку французского коньяка, – пояснил Балезин, а про себя с затаённой улыбкой подумал: «Что-то маловато времени ты выбрал для общения с кралей. Опять врёшь».

Лифт в гостинице не работал, и Алексей стал подниматься пешком. Но его ждал «сюрприз» – лифт вдруг пошёл. И стоило Балезину ступить на свой третий этаж, как дверь догнавшего его лифта открылась и... появился Седой. Он выкатил накрытый белой салфеткой столик и двинулся вслед Алексею. «А из этих бандитов, если бы не их тёмные деяния, получились бы неплохие нелегалы, – успел подумать Алексей, подходя к своему номеру. – Грубовато работают, но в выдумке не откажешь».

Повернулся ключ, скрипнула дверь. Окна номера выходили на восток, и сейчас, во второй половине дня, здесь было уже не жарко. Но как только дверь захлопнулась, Алексею пришлось забыть о жаре и прохладе. Его удивлению не было предела.

– Сергей Генрихович, я не верю в чудеса, но, по-моему, вы умеете летать.

Бородастый мужчина в парусиновой толстовке поднялся с кожаного кресла.

– Говорите тише, Седой может подслушать, – Отман приставил палец к губам, сделал шаг навстречу и, взяв Балезина за локоть, увлёк вглубь комнаты. Пришлось закрыть вторую дверь, отделяющую комнату от маленькой прихожей номера, и разговаривать полушёпотом.

– Я, конечно, летать не умею, но как коренной москвич знаю все улицы, переулки и проходы. Я со своим извозчиком опередил вас – это во-первых. А как работник сыска знаю все ходы и выходы в гостиницах и могу открыть любую дверь. За свою карьеру не один десяток жуликов и аферистов здесь брал – это во-вторых. А в-третьих, у нас с вами очень мало времени, вас ведь пасут. Поэтому давайте перейдём к главному.

Алексей быстро, но во всех тонкостях рассказал всё, что с ним произошло, начиная от выставки, кончая появлением в «Метрополе». Потом слово взял Отман:

– К тому времени, как вы подъедете к лавке, она будет незаметно окружена. Поэтому слушайте меня внимательно: в лавку не соваться! Метров за двести перед последним поворотом, у церквушки, увидите человека в белом картузе. Как только он его снимет, под любым предлогом – голова закружилась, затошнило или что-нибудь подобное – останавливайте извозчика. Его и Вербицкого мы тут же берём, живых или мёртвых. И дальше уже наша забота.

– А если Яньки в лавке не окажется?

– За лавкой уже установлено наблюдение. Из неё он не выйдет. Тем более что Вербицкий закрыл дверь на ключ.

Замолчали. Балезин почувствовал, что план ему не нравится.

– Выходит, я в последний момент прячусь в укрытие?

– Да, да, да! – шёпотом, но убедительно произнёс Отман. Насколько мне известно, вам скоро предстоит ехать куда-то далеко, и вашей жизнью рисковать нельзя.

– А другими можно?

– Послушайте, Алексей Дмитриевич, это приказ Ершова.

– На фронте я ему приказывал, и он должен знать: русский офицер не должен прятаться за спины других.

– Советую вам поменьше напоминать, что вы русский офицер.

Сидевший в кресле Балезин вскочил:

– Сергей Генрихович, если бы это мне сказал кто-нибудь другой, я бы ответил ему так, что пришлось бы заткнуть уши. Но я вас очень уважаю, а поэтому промолчу. Что касается операции, я её начал, я и закончу! Больше всего рискует тот, кто не рискует!

В ответ Отман покачал головой:

– Ах ты, господи... Да успокойтесь вы и поймите: здесь тоже фронт, тоже приказы. А вы нужны в другом месте. Юргенс два раза на дню спрашивает о вас.

Спор грозил затянуться, а время летело быстро, тем более что ещё один вопрос не был решён. И Алексей, естественно, его задал:

– А как насчёт Архангельского? Заезжать к нему?

– Обязательно, иначе Вербицкий настоится. А они с Мерином могут что-нибудь выкинуть.

– Мерин? Это кто?

– Извозчик. Старый знакомый. Его ищут. На нём несколько убийств, так что будьте осторожны. И последнее: как только остановятся лошади, вы берёте на прицел Мерина, Архангельский – Вербицкого. А там уже и мы подоспеем.

* * *

Борис Михайлович Архангельский был в прошлом сыскарь с приличным стажем. За свои 42 года он успел поработать в нескольких южных городах России: Ростове, Екатеринославе, Киеве. В Киеве его и застали события 1917 года. Когда к власти пришла Центральная рада, Архангельского из сыска уволили, и, чтобы прокормить семью, он больше года занимался чем угодно, только не борьбой с жуликами и бандитами. Но это было ещё полбеды. Кое-кто попытался свести счёты с неподкупным сыщиком. И вскоре Архангельский понял, что из родной Малороссии пора убраться. Вот только куда? Выручил старший брат Арсений. Член партии большевиков, о котором после ареста в 1907 году никто не слышал, он вдруг оказался жив-здоров и, более того, не последним человеком в Московском совете рабочих депутатов. К нему в Первопрестольную и подался Борис Михайлович вместе с женой и малолетним сыном. Работа ему быстро нашлась. Поскольку он специализировался на раскрытии краж произведений искусства и хорошо в них разбирался, его определили работать в комиссию по национализации именно произведений искусства: картин, скульптур, золотых и серебряных вещей и им подобных. Дело в том, что музеи переходили под надзор государства, а в многочисленных особняках, брошенных теми, кто бежал из России или был расстрелян, оказалось достаточно много ценностей.

Повозка, в которой ехали Балезин с Вербицким, подкатила к самому подъезду небольшого двухэтажного дома, на втором этаже которого жила семья Архангельского. Вербицкий поднялся вслед за Балезиным.

– У вас что, здесь тоже зазноба? – с нескрываемой иронией спросил его Алексей.

Тот понял глупость своего положения и пожал плечами:

– Так я за вас же беспокоюсь. Мало ли кто в подъезде окажется, а вы при деньгах.

– Не надо за меня переживать. Здесь хорошие люди живут, – назидательно произнёс Балезин и закрыл двери прямо перед носом толстяка.

Как и предполагалось, Борис Михайлович был дома, один. Ещё при первом знакомстве он проникся к Алексею большой симпатией, ведь оба они были из Малороссии.

Алексей кратко, но во всех деталях обрисовал ситуацию; особо остановился на своих сомнениях:

– Будь я на месте Кошелькова, я бы не стал дожидаться, а из осторожности ушёл бы куда-нибудь, например в ближайший трактир. Логика проста: а вдруг придут не те, кого он ждёт?

– Но вы говорите, что лавку запер на ключ этот ваш... как его?

– ... Вербицкий. Но, Борис Михайлович, мы же с вами не дети. У бандита такого масштаба, как Кошельков, может быть ещё один выход из лавки.

Архангельский задумался. Прошёлся взад-вперёд по комнате, потом уверенно сказал:

– Я тоже так считаю.

Алексей вопросительно глянул на него:

– Ну, так что: остановим извозчика, как требует Отман, или без остановки прямо к дверям лавки? А если так, то возможен вариант, когда придётся стрелять.

Небольшого роста, лысоватый, Борис Михайлович стоял перед Алексеем и смотрел ему в лицо снизу вверх.

– Вы кого пугаете стрельбой? Я всю жизнь боролся с этой мразью! У меня пять ранений.

– Простите, я не хотел вас обидеть.

– Да ладно вам... Вместе так вместе. В общем, едем без остановки прямо к лавке!

* * *

Повозка двигалась обычным ходом, но Алексею казалось, что она тащится со скоростью улитки. Поворот, ещё поворот – и вот, наконец, та самая церквушка. Всё как обещал Отман: не спеша прогуливается человек в белом картузе. Вот он его снял...

Повозка проехала, не останавливаясь, и Алексей успел краем глаза заметить, как человек с белым картузом в руке удивлённо посмотрел ей вдогонку, а затем по сторонам, словно кого-то потерял.

Первым, как и подобает хозяину лавки, из повозки вышел Вербицкий. Щёлкнул замок, отворилась дверь. Алексей и Борис Михайлович вошли следом. Мерин хмуро смотрел им вслед.

Уже сделав первые два шага, Балезин понял, что в лавке никого нет. Это тотчас подтвердилось: на прилавке, за которым в обычные дни восседал Вербицкий, лежала прижатая пепельницей записка. Вербицкий прочитал её, скомкал, сунул в карман и развёл руками:

– Господин Кульков просит извинить, но ему срочно пришлось уйти. Дела... Он вас ждёт в трактире «Чёрный ворон». Вы не волнуйтесь, это недалеко. Мы доедем за пять минут.

Балезин и Архангельский переглянулись. Взгляд каждого говорил: «Мы оказались правы».

– А как же он вышел, вы же заперли лавку на ключ? – спросил Алексей.

– У него есть второй ключ, которым можно открыть изнутри.

«Рассказывай кому-нибудь другому, – молча усмехнулся Алексей. – За лавкой наблюдают. Шмыгнул через потайной ход твой Янька и был таков».

Как уже говорилось выше, Алексей Балезин любил иногда для снятия нервного напряжения немного покуражиться. Так было с тем парнем, который в первый день на Хитровке кланчил у него закурить. Так случилось и сейчас. Негодуя взмахнув руками, Балезин стал медленно надвигаться на Вербицкого.

– Вы что же себе позволяете! Я что вам – мальчик, в детские игры играть? То вы меня с выставки тащите к себе в лавку, то я должен немедленно лететь на извозчике за деньгами... И вот теперь: извольте следовать в какой-то там вонючий трактир...

Русскую речь Алексей выразительно сопровождал несколькими известными ему французскими ругательствами. Потом, повернувшись к Архангельскому, решительно произнёс:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.